А. АВДОНИН

ПУШКИН
и
Симбирский
край

А. АВДОНИН

ПУШКИН И Симбирский край

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛЬЯНОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

83.3Р1
А18

Рецензент:
Г. А. Веденская,
кандидат педагогических наук.

Авдонин А. М.
А18 Пушкин и Симбирский край. — Саратов: Приволж. кн. изд-во (Ульян. отд.-ние), 1987. — 64 с.

В книге рассказывается о посещении Пушкиным Симбирска, памятных местах края, связанных с его именем, симбирянах — друзьях Пушкина.
Рассчитана на массового читателя.

$\frac{0505040000-31}{153(03)-87}$ 74—87 83.3Р1

ОТ АВТОРА

Пушкин — величайший поэт России. Известный литературовед Д. Д. Благой заметил: «Первый русский национальный поэт, родоначальник всей последующей русской литературы, начало всех начал ее — таково справедливо и точно признанное место и значение Пушкина в развитии отечественного искусства слова»[1].

Многое связывает Пушкина с Симбирским краем, симбирянами. Среди его друзей и знакомых Карамзин, Дмитриев, Языков, Тургенев и другие. Одни из них помогли Пушкину поступить в Лицей, другие заступились за поэта перед царем, третьи предоставили в распоряжение Пушкина материалы для работы. Все его знакомые-симбиряне являлись горячими поклонниками поэзии Пушкина, пропагандистами творчества великого поэта.

Когда Пушкина не стало, симбиряне боролись за пушкинское литературное наследие, защищали имя великого поэта от нападок его противников, издавали пушкинские произведения.

Рассказу об этом, о связях Пушкина с прогрессивными деятелями края посвящена эта книга.

Хотелось бы выразить благодарность за содействие в сборе материала для ее написания заведующей сектором краеведения Ульяновской областной библиотеки Нине Ивановне Никитиной, заведующей научно-методическим отделом Ульяновского областного краеведческого музея Мире Мироновне Савич, сотруднице Ульяновского областного архива Анне Федоровне Варламовой, доценту Ульяновского педагогического института Сергею Львовичу Сытину, краеведу Жоресу Александровичу Трофимову, хранителю Пушкинского фонда рукописного отдела Римме Ефремовне Теребениной, заведующей Пушкинским кабинетом Пушкинского Дома Валентине Васильевне Зайцевой, хранителю Ульяновского художественного музея Людмиле Ивановне Пастбиной, заведующей отделом межбиблиотечного абонемента Дворца книги Александре Семеновне Оселедкиной.

«ДРУЗЬЯ МОИ, ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ!»

Известно, что Александр Сергеевич Пушкин был человеком общительным. Среди его знакомых — сотни людей. Но настоящих друзей у Пушкина немного. Наряду с В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, П. Я. Чаадаевым, Н. А. Плетневым, О. С. Павлищевым, Н. В. Нащокиным в их круг входили и симбиряне.

Особенно большим другом и покровителем Пушкина был симбирянин Н. М. Карамзин (1766—1826) [2]. П. А. Вяземский в стихотворении «Поминки» писал:

Брата обнял в нем Жуковский,
И с сочувствием родным,
С властью, нежностью отцовской
Карамзин следил за ним.

Ко времени рождения Пушкина Николай Михайлович был уже известным писателем, автором «Бедной Лизы» и «Писем русского путешественника», трудился над «Историей государства Российского».

Интересно отношение Пушкина к этому труду. Сначала он обвинял историка за то, что тот признавал «необходимость самовластия», но в конце концов труд Карамзина поэт назвал «подвигом честного человека».

Так же тепло относился к поэту и Н. М. Карамзин. Он неоднократно упоминает имя А. С. Пушкина в письмах к Дмитриеву и делится с ним радостью по поводу быстрого мужания молодого поэта, в котором прозорливо видел будущее отечественной словесности. Между тем в письмах содержится и критика в адрес молодого друга.

Карамзин и круг его друзей познакомились с поэзией А. С. Пушкина в начале 1815 года. В конце марта 1816 года Карамзин, Вяземский, Жуковский, Тургенев посещают Пушкина в Лицее. С этого времени начинается переписка Пушкина с Вяземским, через которого Пушкин сближается с Карамзиным. По свидетельству Вяземского, Пушкин «со времени переезда семейства Карамзиных в Царское Село бывал у них ежедневно по вечерам» [3].

Несмотря на расхождения в оценке «Истории государства Российского», Карамзин заступается за Пушкина перед царем, спасая его от ссылки [4].

Пушкин совершил по отношению к Карамзину «подвиг честного человека». Оценивая труд Карамзина, Пушкин в статье «История русского народа» отметил: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном знании истины, в ясном и верном изображении событий. Нет ни единой эпохи, ни единого важного происшествия, которые не были бы удовлетворительно развиты Карамзиным». Он посвятил Карамзину поэму «Борис Годунов» и подарил ему книгу с автографом: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоволением посвящаю. А. Пушкин» [5].

А впоследствии, когда в Симбирске сооружался памятник Н. М. Карамзину, Пушкин внес 25 рублей на его устройство [6].

Незадолго до смерти поэт подготовил для «Современника» фрагмент рукописи Карамзина «О древней и новой России, в ее политическом и гражданском отношениях». Пятый том журнала с упомянутым произведением вышел, когда поэта не было в живых.

Порой непросто складывались отношения Пушкина и Дмитриева. Видимо, это не случайно. Александр Сергеевич по возрасту доводился внуком Ивану Ивановичу, рос в иное время.

И. И. Дмитриев (1760—1837), поэт, баснописец, родился в селе Богородском Симбирской губернии (ныне Сызранский район Куйбышевской области). Однако большую часть жизни провел в Петербурге.

Пушкин встречал Дмитриева в детские годы в доме своих родителей и у В. Л. Пушкина, своего дяди. В годы учения в Лицее Дмитриев — непререкаемый авторитет для молодого Пушкина. В послании к другу-стихотворцу (1814) он полемически сравнивает творчество Дмитриева, Державина и Ломоносова с произведениями членов «Беседы любителей русского слова». В стихотворении «Городок» (1815) Пушкин почтительно отзывается о Дмитриеве-баснописце. В свою очередь эпиграмма Пуш-

кина «На Каченовского» заслужила похвальные отзывы Дмитриева.

Однако постепенно начинают вырисовываться расхождения в литературной позиции Пушкина и Дмитриева. В их отношениях наступает период охлаждения. В 20-е годы Пушкин дает резко критические оценки творчеству Дмитриева, но постепенно добрые отношения восстанавливаются. В 1829 году возобновляется переписка. Письма 1837 года показывают, что Дмитриев ищет союзника против выступлений Полевого.

Работая над «Историей Пугачева», Пушкин использовал неопубликованные воспоминания Дмитриева, его устные рассказы. В письме к Дмитриеву в марте или апреле 1833 года он замечает: «Милостливый государь Иван Иванович, имев всегда счастие пользоваться благосклонностию Вашего превосходительства, осмеливаюсь ныне обратиться к Вам со всепокорнейшею просьбою... Случай доставил в мои руки некоторые важные бумаги, касающиеся Пугачева (собственные письма Екатерины, Бибикова, Румянцева, Панина, Державина и других). Я привел их в порядок и надеюсь их издать. В «Исторических записках» (которые дай бог нам прочесть возможно позже) Вы говорите о Пугачеве — и, как очевидец, описали его смерть. Могу ли надеяться, что Вы, милостливый государь, не откажетесь занять место между знаменитыми людьми, коих имена и свидетельства дадут цену моему труду, и позволите поместить собственные Ваши строки в одном из любопытнейших эпизодов царствования Великой Екатерины? С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостливый государь,

Вашего превосходительства покорнейший слуга» [7].

«Историческими записками» Пушкин называет автобиографические записки Дмитриева, изданные после его смерти в 1866 году под названием «Взгляд на мою жизнь». Из них в примечаниях к «Истории Пугачева» напечатан отрывок о казни крестьянского вождя.

В письме к Дмитриеву 14 февраля 1835 года Пушкин поблагодарил его за материалы к «Истории Пугачева»: «...хроника моя обязана Вам яркой и живой страницей, за которую много будет прощено самыми строгими читателями» [8].

Одним из близких сотрудников русского просветителя, издателя и журналиста Новикова был симбирянин

Иван Петрович Тургенев (1752—1807). В 1796 году Павел I назначает его директором Московского университета. С семьей Тургеневых в тесной связи находились отец Пушкина и дядя поэта.

Старший из сыновей директора университета, Александр, родился в Симбирске, учился в пансионе при Московском университете, затем в Геттингенском университете. С 1810 года он, занимая должность директора Главного управления духовных дел иностранных вероисповеданий, стал членом комиссии по составлению законов.

Александр Иванович оказывал помощь многим русским литераторам, в том числе и А. С. Пушкину.

В 1811 году при содействии Тургенева Пушкин был определен в Лицей. Через четыре года Тургенев присутствует на выпускном экзамене, где Пушкин прочитал «Воспоминания в Царском Селе».

Оба входили в литературное общество «Арзамас», где Тургенев носил прозвище Эолова Арфа. В 1817—1820 годах Пушкин часто бывал в доме Тургеневых на Фонтанке [9].

К петербургскому периоду относятся и два стихотворения, обращенные Пушкиным к Тургеневу. В 1817 году в стихотворении «Тургеневу» Александр Сергеевич замечает:

Тургенев, верный покровитель
Попов, евреев и скопцов,
Но слишком счастливый гонитель
И езуитов, и глупцов,
И лености моей бесплодной
Всегда беспечной и свободной,
Подруги благотворных снов!

Здесь Пушкин называет Тургенева покровителем «лености моей бесплодной», то есть творчества великого поэта.

В годы южной ссылки Пушкин переписывается с А. И. Тургеневым, посылает ему свои новые стихи — строфы «Наполеона» и «Скорбного сеятеля». Пушкин хочет, чтобы А. И. Тургенев знал, как он расценивает последние европейские события. Пессимистические прогнозы поэта вскоре сбылись в судьбе братьев Тургеневых: в апреле 1824 года был вынужден уехать в чужие края Н. И. Тургенев, а в мае этого же года был отстранен от всех должностей А. И. Тургенев. Год спустя он тоже уезжает за границу.

Восстание на Сенатской площади навсегда разлучило братьев Тургеневых с Россией. Николай Иванович, осужденный по делу декабристов, стал вечным политическим изгнанником. Жил сначала в Лондоне, а затем в Париже. Александр Иванович, отказавшийся отречься от брата, стал опальным скитальцем, годами странствуя по Европе. Он свой человек литературных и политических салонов. Читая его дневники этих лет, мы часто встречаем имя Пушкина. От лица передовой России А. И. Тургенев знакомил Париж и Лондон с судьбой и творчеством Пушкина.

А. И. Тургенев изредка приезжал на родину. Один из приездов в 1826 году совпал со смертью Н. М. Карамзина. Автор «Истории государства Российского» умер на руках у Тургенева.

С Пушкиным они вновь встретились после разлуки только в 1831 году. С 8 по 24 декабря они видятся в Москве ежедневно. Пушкин прочитал Александру Ивановичу отрывок из «Евгения Онегина», где говорилось о декабристе Николае Тургеневе. Вот эти строки:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян [10].

Нужно отметить, что Пушкин был знаком и с братом А. И. Тургенева — Николаем Ивановичем. Его статья «Нечто о барщине» вдохновила Пушкина на стихотворение «Деревня». В квартире Н. И. Тургенева написана ода «Вольность» [11].

Новая встреча состоялась в сентябре 1834 года. Пушкин познакомил Александра Ивановича с «Историей Пугачева». Тургенева заинтересовали страницы, посвященные его родине — Симбирску. «Пушкин расшевелил душу мою, заснувшую в степях Башкирии. Симбирск всегда имел для меня историческую прелесть» [12].

После выхода из печати «Истории Пугачева» Тургенев попросил прислать ему экземпляр книги с автографом.

В ноябре 1836 года Тургенев прибывает в Петербург. Время с ноября по январь было до предела насыщено общением с друзьями. Пушкин и Тургенев печата-

ются в четвертом томе «Современника». С разрешения автора возобновилась публикация «Хроники русского», она соседствует с «Капитанской дочкой» [13].

В тургеневском дневнике есть следующие записи: «1 декабря... Во французском театре, с Пушкиными... Вечер у Карамзиных (день рождения Николая Михайловича). С Опочиниными. Разговор с младшею: прежде боялась меня, по словам ее. Пушкины.

2 декабря... К графу Нессельроде, велел явиться на другой день. У Пушкиной: с ним о древней России: «быть без мест»...

21 генваря. Послал к брату № 20... Стихотворение Пушкина о море, по поводу брата... Отдал письмо Аршияку и завтракал с ним. Он прочел мне письмо А. Пушкина о дуэли от 17 ноября 836... Зашел к Пушкину: О Шатобрияне, и о Гете, и о моем письме из Симбирска — о пароходе, коего дым проест глаза нашей татарщине.

26 генваря. Я сидел до 4-го часа, перечитывая мои письма; успел только прочесть Пушкину выписки из парижских бумаг» [14].

Таким образом, вплоть до последнего дня Тургенев был рядом с Пушкиным. Их дружба крепла день ото дня. Тургенев рассказывал Пушкину и о симбирских новостях. Это подтверждают и записки от 27 января: «Скарятин сказал мне о дуэли Пушкина с Геккерном; я спросил у Карамзиной и побежал к княгине Мещерской: они уже знали. Я к Пушкину: там нашел Жуковского, князя и княгиню Вяземских и раненного смертельно Пушкина, Арендта, Спасского — все отчаивались. Пробыл с ними до полуночи и опять к княгине Мещерской. Там до двух и опять к Пушкину» [15].

Александр Иванович провожал тело Пушкина до Святогорского монастыря, участвовал в похоронах.

Пушкин воспитывался и на стихах героя Отечественной войны 1812 года Давыдова. В архиве Горчакова, товарища Пушкина по Лицею, сохранилась первая элегия Давыдова, переписанная рукой юного поэта. В 1815 году Пушкин заносит в лицейский дневник анекдот о Давыдове.

Их знакомство состоялось зимой 1818/19 года в Петербурге. Еще раньше поэты интересовались творчеством друг друга. Пушкин неоднократно подчеркивал влияние Давыдова на свою поэзию. «Он, хваля стихи мои, сказал, что в молодости своей от стихов моих стал писать

круче и приноравливаться к оборотам моим, что потом вошло ему в привычку», — рассказывал Давыдов Вяземскому 29 января 1830 года [16].

Давыдов пристально всматривался в стихи молодого Пушкина. По поводу послания Пушкина к Жуковскому «Когда, к мечтательному миру...» Давыдов в письме Вяземскому 2 июня 1818 года высказал ряд критических замечаний: «Стихи Пушкина хороши, но не так, как тебе кажутся, и не лучшие из его стихов» [17].

В 30-е годы Давыдов живет преимущественно в имении Верхняя Маза Симбирской губернии [18], занимается хозяйством и литературой. Он переписывается с друзьями — Пушкиным, Вяземским, Жуковским, Языковым.

Очень сожалеет Денис Давыдов, что не смог увидеть Пушкина 4 апреля 1834 года. Давыдов пишет об этом: «Как мне досадно было разъехаться с тобою прошлого года! Я не успел проехать Симбирск, как ты туда явился, и что всего досаднее, я возвращался из того края, в который ты ехал и где я мог бы тебе указать на разные лица или рожи, от которых ты мог получить и бумаги и сведения, тебе нужные. После того ты был у Языкова, и я не знал о том! Неужели ты думаешь, чтобы я усидел дома и не прилетел бы обнять тебя. Злодей! зачем не дать было знать мне?» [19].

Встречается Давыдов с Пушкиным в Москве, интересуется его «политической и литературной газетой», сообщает ему о своей переписке с Вальтером Скоттом, вновь досадует на то, что они с Пушкиным разъехались в Поволжье, с нетерпением ожидает появления «Истории Пугачева». Пушкин посылает ему свой труд со стихотворным посвящением:

Тебе, певцу, тебе, герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник мирного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой!
В передовом твоем отряде
Урядник был бы он лихой.

Стихотворение написано 18 января 1836 года. Именно к этому времени относится наиболее интенсивный период переписки Давыдова с Пушкиным, что связано с участием поэта-партизана в пушкинском «Современнике». Сохранилось 2 черновика писем Пушкина к Давыдову и 14 писем Давыдова к Пушкину.

Смерть Пушкина потрясла Давыдова. «Веришь ли, что я по сию пору не могу опомниться — так эта смерть поразила меня! Пройдя сквозь весь пыл наполеоновских и других войн, многим подобного рода смертям я был виновником и свидетелем, но ни одна не потрясла душу мою, подобно смерти Пушкина. Грустно, что рано, но если уже умирать, то умирать так должно, а не так, как умрут те из знакомых нам с тобою литераторов, которые теперь втихомолку служат молебны и благодарят судьбу за счастливейшее для них происшествие. Как Пушкин-то и гением, и чувствами, и жизнию, и смертью парил над ними!»

Но и сам Давыдов ненамного пережил Пушкина. Он умер 55 лет от роду.

Отношения А. С. Пушкина и Н. М. Языкова представляют огромный интерес особенно тем, что автор «Евгения Онегина» посетил наш край во многом благодаря Языковым.

Николай Михайлович Языков родился в Симбирске в 1803 году в богатой дворянской семье. С 16 лет печатается, обзаводится литературными знакомствами. В стенах Дерптского университета происходит поэтическое становление Языкова.

Молва стихи мои хвалила,
Я непритворно верил ей,
И поэтическая сила
Огнем могущественным била
Из глубины души моей, —

писал поэт в стихотворении «Барону Дельвигу».

Свои стихи он печатал под разными псевдонимами: Языков И., У., Н. Я. и другими. Один из его псевдонимов, относящийся к дерптскому периоду, занимает несколько строк: «Пребывающий на помочах у Дерптских муз, но намеревающийся со временем водить их самих за нос Негуляй Язвиков, а примечаниями пополнил Дилетант Петербургского Парнаса Велиглав Кузинов»[20].

Интересно отметить, что накануне знакомства с Пуш-

киным Языков приближается к пушкинским темам, собирается написать трагедию о Борисе Годунове, а в незавершенной поэме «Аля» видна попытка создать свою «Полтаву»[21].

Поэзия Языкова привлекает внимание одесского, а затем михайловского изгнанника. Первый поклон Языков получил в 1824 году от ссыльного Пушкина через А. Ф. Воейкова: «Наш Байрон восхищается Вашими стихами и пророчествует Вам мирты, розы, лилии и вечнозеленые лавры»[22].

Из михайловской ссылки Пушкин вновь обращается к Языкову:

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.

Пушкин сетует собрату по перу на свою судьбину:

Всегда гоним, теперь в изгнанье
Влачу закованные дни.

Далее Александр Сергеевич приглашает Языкова приехать в Михайловское:

Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг...

Но встретиться поэтам удается только через два года. Летом 1826 года Языков гостил шесть недель в Тригорском, имении своего дерптского товарища А. Н. Вульфа. Здесь он виделся с жившим по соседству в Михайловском ссыльным Пушкиным, здесь родилась большая дружба.

Языков так откликнулся о своей поездке в Тригорское в послании новому другу:

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей.
Святее царской головы.

Огнем стихов ознаменую
Те достохвальные края,
И ту годину золотую,
Где и когда мы — ты да я,
Два сына Руси православной,
Два первенца полночных муз —
Постановили своенравно
Наш поэтический союз.

Стихи, посвященные Тригорскому, составляют особый цикл в творчестве Языкова. Им воспеты Тригорское, Михайловское, река Сороть, то есть пушкинские места. И даже если бы Языков не написал ничего больше, одним этим циклом он бы увековечил свое имя.

Встречи поэтов в Тригорском были как нельзя более насыщенными и плодотворными. Именно здесь родился «поэтический союз».

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?
Жрецы высокого искусства,
Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова[23]!

В дальнейшем друзья поддерживали отношения перепиской. «Стихов, ради бога стихов! Душа просит», — писал Пушкин Языкову 14 июня 1828 года из Петербурга в Дерпт [24].

В другом письме к другу (от 18 ноября 1831 г.) Пушкин заметил: «Сердечно благодарю Вас, любезный Николай Михайлович, Вас и Киреевского за дружеские письма и за прекрасные стихи, если бы к тому присовокупили вы еще свои адресы, то я был бы совершенно доволен. Поздравляю всю братию с рождением «Европейца» [25].

Личностью вождя крестьянского восстания, Емельяна Пугачева, Пушкин также начал интересоваться во время михайловской ссылки. Еще в 1824 году он просит своего брата прислать роман неизвестного автора «Ложный Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева» [26].

К 1833 году поэт пришел к решению написать «Историю Пугачева». Он приступает к сбору документов и материалов. Стремясь полнее охватить тему, Пушкин

планирует ознакомиться с материалами в архивах тех губерний, на территории которых проходило народное восстание, побеседовать с участниками и очевидцами событий. С этой целью 17 августа поэт выехал из Петербурга. Поездка заняла почти полтора месяца.

По пути в Оренбург 10 сентября 1833 года Пушкин заехал в Симбирск. Пребывание Пушкина в городе было насыщенным: он посещает губернатора Загряжского, встречается со старожилами, лично знавшими Пугачева, в том числе и с помещиком Шуваловым, служившим у предводителя крестьянского восстания форейтором. Вообще сведений о пребывании Пушкина в Симбирске и губернии осенью 1833 года сохранилось мало. Хронологически все выглядит примерно так. Утром, одиннадцатого, Пушкин, зайдя к Языковым и не застав там никого из братьев, выехал в их имение Языково. «Пишу тебе из деревни поэта Языкова, к которому заехал и не нашел дома. Третьего дня прибыл я в Симбирск и от Загряжского принял от тебя письмо... Сегодня еду в Симбирск, отобедаю у губернатора и к вечеру отправлюсь в Оренбург, последняя цель моего путешествия.

Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного и которого готов я полюбить, как люблю Плетнева или Нащокина. Я провел с ним вечер и оставил его для тебя, и теперь оставляю тебя для него» [27], — писал поэт из Языкова жене.

12 сентября Пушкин вернулся в Симбирск, встречается с писателем Второвым на обеде у губернатора. А в ночь на 13 сентября он по правому берегу Волги отправляется в Оренбург. Доехав до «третьей станции», Пушкин возвращается в Симбирск. «Третьей станцией» была Сенгилеевская.

«Опять я в Симбирске. Третьего дня выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Черт его побери, дорого бы дал я, чтоб его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей — гляжу, нет ямщиков — один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи — гляжу, решился я возвратиться и ехать другой дорогой, по этой на станциях везде по шесть лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю. Повезли меня обратно — я заснул — просыпаюсь утром — что же? не отъехал я и пяти верст. Гора — лошади не взвезут — около меня человек 20 мужиков. Черт знает как бог помог — наконец

взъехали мы, и я воротился в Симбирск. Дорого бы дал я, чтоб быть борзой собакой; уж этого зайца я бы отыскал. Теперь еду опять другим трактом. Авось без приключений», — сообщает Пушкин жене 14 сентября[28].

Долгое время считалось, что Пушкин 14 сентября встретился в Симбирске с Е. А. Одоевской. «На другой день (14 сентября) Пушкин выполнил просьбу своего знакомого, князя В. Ф. Одоевского — посетил его мать, бывшую вторично замужем за здешним градоначальником Сеченовым. Спустя полтора месяца поэт не без тонкой иронии писал Одоевскому из Болдина: «Теперь донесу Вашему сиятельству, что, будучи в Симбирске, видел я скромную отшельницу, о которой мы с вами говорили перед моим отъездом. Недурна. Кажется, губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, нежели губернаторша». Так комментирует в своей книге литературовед Селиванов пушкинское письмо к жене[29].

Недавно появилась публикация, в которой раскрывается истинный смысл этого письма. Поэт ведет речь о «прекрасной отшельнице» Варваре Ивановне Кравковой, дворянке из Саранска[30]. Ее родители отказали жениху князю Роману Петровичу Сатиану, которого она любила. Отказ побудил ее «вступить в монастырь» в Симбирске. Именно о ней и пишет Пушкин.

15 сентября Пушкин отправился в Оренбург, но уже другой дорогой, через Волгу. С правого берега ее он сделал в своей тетради карандашный набросок, изобразив Смоленскую гору, Смоленскую церковь и несколько домов. Рисунок подписан: «Смоленская гора: Церковь Смоленская и дом Карамзина. 15 сент. Волга»[31].

Побывав в Оренбурге и Уральске и собрав там значительный материал о Пугачевском восстании, Пушкин через Симбирскую губернию отправился в Болдино.

По всей вероятности, 29 сентября, не заезжая в Симбирск, Пушкин приехал в Языково. На этот раз дома оказались три брата: Николай Михайлович (поэт), Петр Михайлович (геолог и историк-краевед) и Александр Михайлович (предводитель симбирского дворянства). Пушкин поделился с ними впечатлениями от поездки по Поволжью и в Оренбург, литературными планами. Петр Михайлович передал гостю рукопись П. И. Рычкова об осаде пугачевцами Оренбурга. Переночевав в Языкове, Пушкин утром 30 сентября отправляется в путь[32].

А. М. Языков в письме к брату однокашника Пушки-

на по Царскосельскому Лицею В. Д. Комовскому от 1 октября 1833 года сообщил: «Вчера был у нас Пушкин, возвращавшийся из Оренбурга и с Яика в свою нижегородскую деревню, где пробудет месяца два, занимаясь священнодействием перед алтарем Камен. Он ездил-де собирать изустные и письменные известия о Пугачеве, историей времени которого будто бы теперь занимается. Из питерских новостей он прочитал нам свою сказку «Гусар»... Дело идет о похождении малороссийской ведьмы; написана она весьма живо и занимательно. Знаете ли Вы, что Гоголь написал комедию «Чиновник»? Из нее Пушкин сказал нам несколько пассажей чрезвычайно острых и объективных...» [33].

Когда «История Пугачева» вышла в свет, А. М. Языков в письме к тому же Комовскому отметил: «Почти вся вторая часть доставлена нами»[34]. Он писал так, имея в виду опубликованную в приложениях к книге «Летопись» П. И. Рычкова, которая занимает там большую часть текста.

Симбирские материалы были использованы и в пушкинском романе «Капитанская дочка». Главный герой романа Гринев стал уроженцем Симбирской губернии, в которой действительно жили его однофамильцы. Даже само действие романа разворачивается в Симбирской губернии [35].

После поездки на восток отношения Пушкина с Языковым стали еще теснее. Пушкин 26 сентября 1834 года писал в Языково Николаю Михайловичу: «Я был обрадован в моем уединении приездом Александра Михайловича, который, к сожалению, пробыл у меня несколько часов. Блазнит он меня предложением ехать с ним в село Языково, быть свидетелем его свадьбы, обещаясь употребить меня с пользою — но мне невозможно — жена и дети» [36].

Пушкин сообщает также, что с братом Николая Михайловича они обсудили вопрос об издании альманаха или журнала, и просит симбирского поэта о его содействии.

Последнее из дошедших до нас пушкинских писем к Н. М. Языкову написано 14 апреля 1836 года в селе Голубове. «Поклон Вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти...»[37] — писал Пушкин.

Таким образом, приезд Языкова в Псковскую губер-

нию, их дружба остались в памяти Пушкина как события яркие и неизгладимые.

Пушкин обещает прислать Языкову номер «Современника» со своей статьей. Языкову понравилось его стихотворение «Наш боец чернокудрявый». «Послание к Давыдову прелесть! Наш боец чернокудрявый окрасил было свою седину, замазав и свой белый локон, но после Ваших стихов его вымыл — и прав. Это знак благоговения к поэзии» [38].

Языков пережил Пушкина почти на десять лет, правда, все эти годы он был тяжело болен. В начале 30-х годов он начинает страдать болезнью спинного мозга. Это и заставило его переехать из Москвы в Языково. Но, прожив здесь всего четыре года, поэт уезжает лечиться за границу.

В думах о Родине проходит жизнь. Произведения поэта-патриота в этот период проникнуты тоской и ожиданием радости встречи. Она произошла в 1843 году — он вернулся на родину. А через три года поэт скончался.

Но вечно будет служить людям муза друга Пушкина.

К Пушкину был близок и Иван Петрович Мятлев. Александр Сергеевич любил его бойкий стих, бывал у него в гостях, сочинял вместе с ним шуточные песни.

С именем Мятлева связано село Беклемишево Вешкаймского района, где он жил. Деревенские наблюдения легли в основу стихов «Новый год», «Разговор барина с Афонькой» и других. Он также известен своими стихами, положенными на музыку:

Фонарики-сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят [39].

С Симбирском связана жизнь и деятельность Владимира Александровича Соллогуба (1817—1882). В 1839 году он участвовал в составлении статистического описания Симбирской губернии, сотрудничал в местной губернской газете. Поволжье изображено писателем в его лучшем произведении, повести «Тарантас» [40].

В 1831 году Соллогуб познакомился с Пушкиным. Соллогуб оставил воспоминания, в которых рассказывает о драме Пушкина. Соллогуб в ноябре 1836 года предложил поэту свои услуги в качестве секунданта, но до дуэли дело не дошло [41].

С именем одного из знакомых Пушкина связано и село Хохловка Симбирского уезда. Оно принадлежало нескольким помещикам, в том числе и Струйским: Дмитрию Юрьевичу, Сергею Юрьевичу и Александре Юрьевне. Краевед Мартынов сообщает, что в Хохловке проживали Александра Юрьевна и Сергей Юрьевич, а Дмитрий Юрьевич постоянно в Хохловке не проживал, но не исключено, что он приезжал в гости к брату и сестре.

С Д. Ю. Струйским Пушкин встречался у Дельвига. Их произведения одновременно печатались в 1831—1832 годах в альманахах «Сиротка» и «Северные цветы».

Дмитрий Юрьевич публиковался под псевдонимом Трилунный. Стихи знакомого Пушкина, его переводы из Байрона, рецензии печатались в «Литературной газете» [42]. Двоюродным братом Струйских был поэт Полежаев.

Среди пушкинских знакомых был и симбирянин Д. П. Ознобишин, поэт и переводчик, издатель альманахов «Северная лира» и «Северные цветы». Ознобишин состоял в литературном кружке Раича, со слов которого записаны воспоминания о встречах Ознобишина с Пушкиным в салоне Михаила Виельгорского [43].

«И СЛАВА ТА ЖЕ, ЧТО БЫЛА»

Пушкин погиб в 1837 году. Утрата эта тяжело переживалась всеми прогрессивными людьми его времени. Но со смертью поэта не умерла его известность. Напротив, чем дальше отодвигается дата гибели поэта, тем громче его слава.

В Симбирске было много поклонников пушкинского таланта. Его стихи переписывали в тетради и альбомы. В Ульяновском Дворце книги хранятся три редких экземпляра «Евгения Онегина» — два печатных и один рукописный. Об этом сообщил литературовед К. С. Селиванов[44].

Хорошо известно имя автора «Обломова», «Обрыва» и «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова. Центральная улица нашего города названа его именем, на этой же улице в доме, где родился писатель, открыт мемориальный музей. И это не случайно. Судьба великого русского писателя Ивана Александровича Гончарова во многом связана с нашим краем. Здесь он родился, провел детство, служил в канцелярии симбирского губернатора, приезжал на родину из Петербурга, когда стал известным писателем. Литературовед П. С. Бейсов отмечал: «Симбирск играл большую роль в воспитании и развитии великого художника-реалиста. Глубокая связь творчества писателя с родным краем несомненна. Но воспитала его как художника Россия Пушкина и Белинского.

Всем тем, что есть в его творчестве, он обязан ей, великой России» [45]. Но о непосредственном влиянии Пушкина на его творчество известно мало. А тем не менее имена двух писателей тесно связаны.

«Я жаркий и неизменный поклонник Александра Сергеевича. Он с детства был моим идолом, и только он один», — писал Гончаров Языковым из Исландии в декабре 1853 года. В этом же письме он поинтересовался изданием первого посмертного пушкинского собрания сочинений [46].

В письме к Полонскому 20 мая (1 июня) 1880 года Гончаров подробнее поведал о пушкинском влиянии: «Первым прямым учителем в развитии гуманитета, вообще в нравственной сфере, был Карамзин, а в деле поэзии мне и моим сверстникам, 15—16-летним юношам, приходилось читаться Державиным, Дмитриевым, Озеровым, даже Херасковым, которого в школе выдавали тоже за поэта. И вдруг Пушкин! Я узнал его «Онегина», который выходил тогда периодически, отдельными главами. Боже мой: какой свет, какая волшебная даль открылись вдруг и какие правды — и поэзии, и вообще жизни, притом современной, понятной, — хлынули из этого источника, и с каким блеском, в каких звуках! Какая школа изящества, вкуса для впечатлительной натуры!»[47].

Гончарова пригласили в «председатели» обеда в Москве по случаю Пушкинского торжества в 1880 году. Однако по состоянию здоровья он не смог приехать. Гончаров комментирует этот факт: «Не случись этой невзгоды со мной, я счел бы святою своей обязанностью, без всяких напоминаний, у подножия памятника в Москве, вместе с другими писателями поклониться памяти нашего общего великого образца и учителя в искусстве и моего особенно. Объясню последние два слова. Я по летам своим старше всех современных писателей, принадлежу к лучшей поре расцветания пушкинского гения, когда он так обаятельно действовал на общество, особенно на молодые поколения. Старики еще ворчали и косились на него, тогда как мы все падали на колени перед ним»[48].

К вопросу о пушкинском влиянии Гончаров возвращается и в статье «Лучше поздно, чем никогда». Сравнивая творчество Пушкина и Гоголя, он не противопоставляет их друг другу, но заявляет при этом, что Пушкин оказал более значительное влияние на его творчество. «Пушкин, говорю, был наш учитель — и я воспитался, так сказать, его поэзиею. Гоголь на меня повлиял гораздо позже и меньше; я уже писал сам, когда Гоголь еще не закончил своего поприща.

Сам Гоголь объективностью своих образов, конечно, обязан Пушкину же. Без этого образца и предтечи искусства — Гоголь не был бы тем Гоголем, каким он есть» [49].

Гончаров оставил воспоминания о встрече с Пушкиным в Московском университете: «И вдруг этот гений,

эта слава и гордость России — передо мной в пяти шагах! Я не верил глазам. Читал лекцию Давыдов, профессор истории русской литературы.

«Вот вам теория искусства, — сказал Уваров, обращаясь к нам, студентам, и указывая на Давыдова, — а вот и самое искусство», — прибавил он, указывая на Пушкина.

Давыдов оканчивал лекцию. Речь шла о «Слове о полку Игореве». Тут же ожидал своей очереди читать лекцию, после Давыдова, и Каченовский. Нечаянно между ними завязался по поводу «Слова о полку Игореве» разговор, который мало-помалу перешел в горячий спор. «Подойдите ближе, господа, —это для вас интересно», — пригласил нас Уваров, и мы тесной толпой, как стеной, окружили Пушкина, Уварова и обоих профессоров. Не умею выразить, как велико было наше наслаждение — видеть и слышать нашего кумира»[50].

Спор, о котором идет речь, разгорелся между Пушкиным и Каченовским о подлинности «Слова о полку Игореве».

Несмотря на тесное знакомство с корифеями английской, немецкой и французской литературы, Гончаров навсегда остается верным пушкинским поклонником. Литературовед В. А. Десницкий указывает на его прямую преемственность в разработке женских образов.

В романах Гончаров находит вариации образов, обусловленных эпохою, изменившимися историческими условиями, но он сам называет (в очерке «Лучше поздно, чем никогда») Наденьку пушкинской Ольгой и Ольгу пушкинской Татьяной.

Отражение пушкинского гения в творчестве Гончарова мы найдем, конечно, не только в родственности женских образов. Та высокая оценка, которую дал «Обыкновенной истории», первому роману Гончарова, В. Белинский, выдвигает на первый план именно те особенности творчества Гончарова, которые прежде всего и наиболее роднят его с Пушкиным[51].

Собрание сочинений А. С. Пушкина, изданное П. В. Анненковым, было одним из самых дорогих для Гончарова в его библиотеке, ныне оно хранится в отделе редких книг и рукописей Дворца книги имени В. И. Ленина в фонде «Личная библиотека И. А. Гончарова».

Интересно отметить и то, что в 1857 году разрешению на выпуск седьмого, дополнительного тома собрания пуш-

кинских сочинений способствовал служивший в то время цензором Петербургского цензурного комитета Иван Александрович Гончаров [52].

Среди поклонников Пушкина был и «король рифмы», сотрудник журналов «Искра», «Русское слово» и «Гудок» поэт-симбирянин Д. Д. Минаев (1835—1889).

В Симбирске он провел первое и последнее десятилетия жизни. Но и в те годы, когда он жил в российской столице, Минаев не порывал связей с родиной. Слушая рассказы о Симбирске присяжного поверенного Соколовского, он за два дня написал знаменитую «Губернскую фотографию», которая вскоре заучивалась в городе и губернии [53]. В поэме есть и такие слова:

Где Трубецкой, в проказах чванства,
Всех наглой роскошью дивит
И к славе дряхлого дворянства
Жену шутами веселит,
И, мужиков лишая крова,
Бросает деньги круглый год,
На лбу ж написано два слова:
«Аристократ и идиот!»[54].

Досталось на орехи и помещикам-крепостникам, и симбирскому архимандриту.

Д. Д. Минаев высоко ценил творчество Пушкина:

«Поэт, ты сам свой высший суд», —
Он восклицал весьма забавно:
Не ведал он, что дни придут,
Когда и музы приговора
В любом суде не избегут [55].

«Король рифмы» следил за каждым изданием пушкинских произведений. На издание Геннади сочинений поэта Минаев откликнулся «Запиской»:

Я вместо всякого письма
Тебе шлю Пушкина изданье.
В нем есть Геннади примечанья:
«Фу, братец, сколько в них...» Ума,
Ты думаешь, поди? А я так
В них больше вижу опечаток [56].

Когда Д. И. Писарев попытался принизить значение творчества А. С. Пушкина в статье «Пушкин и Белинский», появившейся в журнале «Русское слово» в 1865 году, в знак протеста Минаев ушел из этого журнала.

«Если вы предложите мне вопрос: есть ли у нас в России замечательные поэты? — то я вам отвечу без всяких обиняков, что у нас их нет, никогда не было, никогда не могло быть — и, по всей вероятности, очень долго еще не будет. У нас были или зародыши поэтов, или пародии на поэта. Зародышами можно назвать Лермонтова, Гоголя, Полежаева, Крылова, Грибоедова; а к числу пародий я отношу Пушкина и Жуковского», — писал критик.

Далее он отмечает: «И что за охота была Пушкину посылать Ленского в туманную Германию за плодами учености и за какими-то вольнолюбивыми мечтами, когда этому Ленскому суждено было только сказать и сделать в романе несколько плоскостей, которым он мог бы с величайшим удобством научиться не только в своей деревне, но даже и в какой-нибудь букеевской орде? Что же касается до длинных волос, которые Ленский, по свидетельству Пушкина, также привез с собою из туманной Германии, то мне кажется, что они, при тщательном уходе, могли бы вырасти и в России» [57].

Писарев считал, что Белинский преувеличивал значение Пушкина и его романа «Евгений Онегин». Однако и сам Белинский высказал некоторые положения, близкие к идеям Писарева. В письме к Гоголю Белинский заметил: «Разительный пример Пушкин, которому стоило написать только два-три верноподданнических стихотворений и надеть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдруг лишиться народной любви» [58].

Но Писарев пошел дальше. Он считал, что Пушкин уже «лишился народной любви». И считал, что причиной этого было все творчество Пушкина, в том числе и такая «бесцельная штучка», как «Евгений Онегин» [59].

Минаев на выпады против Пушкина откликнулся эпиграммой «Пушкину, после вторичной его смерти»:

Гоним карающим Зевесом,
Двойную смерть он испытал:
Явился Писарев Дантесом
И вновь поэта расстрелял.

В 1865 году Минаев приступил к роману-пародии «Евгений Онегин нашего времени», закончен он был лишь в 1877 году.

Писареву адресуются такие строки:

Не воспевал он дамских ножек,
Для женщин жизни не терял,
Анатомический свой ножик
Он в чувство каждое вонзал,
Бесил артистов до азарта,
И поражать любил народ.
Сказав, что Пушкин — идиот.
С любой красавицей при встрече
Вопрос о браках поднимал
Иль, как Базаров, восклицал:
«У вас отличнейшие плечи!»
И речь сводил на геморрой...
Он в новом роде был герой [60].

Полемизируя с Писаревым, поэт проявляет уважение к Пушкину, подчеркивает значение его наследия.

Прошу прощенья у славян
И у славянского поэта,
Что я классический роман
Подверг цинической поверке,
Перекроил по новой мерке
И перешел на новый лад.
Но я ли в этом виноват?
Пусть устыдится критик бедный,
Что он в бессилии толкал
Поэта гордый пьедестал.
Но от руки его безвредной
И лавр не сдвинулся с чела,
И слава та же, что была [61].

С историей края, Пушкиным связаны не только литераторы, но и другие деятели культуры. Один из них — композитор Владимир Никитич Кашперов (1827—1894). Родился Владимир Никитич в селе Чуфарове Симбирского уезда (ныне Майнский район Ульяновской области). В 18 лет окончил школу гвардейских прапорщиков в Петербурге.

Во второй половине 40-х годов он возвращается в родные места. Здесь находится до конца 1849 года. Переехав в Симбирск, будущий композитор поступил на службу чиновником особых поручений при губернаторе, но недолго пробыл на этой должности. Знакомство с Н. П. Огаревым в Симбирске все перевернуло в жизни Кашперова. Под влиянием Огарева он решился оставить службу и сделаться музыкантом-профессионалом.

Приятели часто встречались то в Симбирске, то в Проломихе, огаревском имении (ныне Инзенский район Ульяновской области) [62].

Николай Платонович Огарев провел в Проломихе пять лет (1850—1855). Он занимался делами своей фабрики, лечил крестьян, увлекался химией и музыкой, писал стихи.

В Проломихе происходит становление Огарева-поэта, выступающего как предшественник Некрасова [63]. А когда в 1855 году Огарев уехал из Симбирской губернии, многие годы они с Кашперовым переписывались.

В. Н. Кашперов, будучи композитором и профессором Московской консерватории по классу сольного пения, после возвращения из поездки за границу в 1865 году посылал свои произведения Н. П. Огареву. Как замечает о музыкальной деятельности Огарева Н. И. Воронина, «указания Огарева вполне профессиональны». На слова Огарева Кашперов создал музыку для нескольких песен. Огарев пишет для него также оперные либретто. «В это время сошелся с Н. П. Огаревым (поэтом и страстным любителем музыки), который написал мне либретто «Цыгане» Пушкинск. (так в тексте. — *Н. В.*). Оперу за недосугом не кончил: из нее исполняются отдельные номера: «Грозный муж» и «Где ж ты молодца видала», — вспоминал Кашперов[64].

С оперой «Цыганы» Кашперов познакомил своего друга композитора Глинку. «Когда я ему показал мою первую оперу «Цыгане», — писал Кашперов, — ему понравилось два номера, и он тотчас, обратившись ко мне с симпатичной речью, заключил так: «Я почту за наслаждение и за нравственную обязанность покончить ваше музыкальное образование» [65]. Эти события происходили в Берлине в 1856 году, а через год Глинка умер. Оперу по пушкинскому произведению «Цыганы» удалось закончить другому композитору. Первое представление состоялось 27 апреля 1893 года в Москве на сцене Большого театра. Либретто по поэме А. С. Пушкина «Цыганы» составлено В. И. Немировичем-Данченко. Кашперовым написан и романс на пушкинское стихотворение «Я думал, сердце позабыло»[66]. Другом композитора Огаревым написано два произведения на пушкинскую тему: «Безумных лет угасшее веселье» и «Сватушка, сватушка»[67].

Пушкинская тема, начатая в Старом Акшине и Проломихе, получила продолжение в зарубежный период жизни и деятельности Огарева. В 1861 году в Лондоне вышел сборник «Русская потаенная литература XIX сто-

летия». В этом сборнике было помещено стихотворение Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...» В предисловии к этому сборнику Огарев заметил: «Для русских Пушкин имеет мировое значение, в нем отозвался весь русский мир и все европейское влияние на него, все данные, из которых этот мир соткан, и выразился своеобразный взгляд на жизнь, и язык выработался до художественной полноты. До сих пор пушкинская форма и пушкинский язык, настроение, мысли и чувства — у нас живы и не заменились новыми формами, и Пушкин остается родоначальником и внешним представителем русской литературы XIX столетия, сколько бы критика в «детской резвости ни колебала его треножник»[68].

В 80-е годы на сцене Симбирского театра выступали артисты Андреев-Бурлак, Писарев, Глама-Мещерская, Горин-Горяинов, Варламова, Стрепетова. Александра Феодосьевна Щербо, подруга Ольги Ульяновой, оставила воспоминания, в которых рассказывает об этом театре. Во время зимнего сезона в театре представляли драму, а весной — оперу.

Симбиряне познакомились с операми «Демон», «Африканка», «Аида».

Володя Ульянов, его сестра Ольга и ее подруга, Александра Щербо, слушали оперу «Евгений Онегин»[69].

Как отмечают многие исследователи, Пушкина любили и в семье Ульяновых. В их библиотеке имелось собрание сочинений поэта под редакцией Ефремова [70]. Пушкин был одним из любимых поэтов и Володи. И, по всей вероятности, одним из тех, кто привил ему эту любовь, был домашний учитель Ульяновых А. С. Кабанов. Он записал в 1880 году в своей автобиографии: «Пушкин и Лермонтов — стали моими идеалами, их стихотворения я всегда носил в кармане. Я зачитывался Пушкиным, Лермонтовым» [71].

Ульяновский исследователь Ж. А. Трофимов отмечает, что изучению творчества поэта способствовал гимназический курс словесности. Учебная программа требовала знания таких пушкинских произведений, как «Поэт», «Пророк», «Песнь о вещем Олеге», отрывков из поэм «Евгений Онегин», «Полтава», «Медный всадник»[72].

На выпускном экзамене по русскому языку и словесности в 1887 году Владимир Ульянов писал сочинение на тему «Царь Борис по произведению А. С. Пушкина «Борис Годунов» и получил за него высший балл [73].

Читая «Материалы для биографии Пушкина», собранные П. В. Анненковым, Владимир мог гордиться тем, что Илья Николаевич был лично знаком со знаменитым пушкинистом, открывшим в 70-х годах в своем симбирском поместье школу для крестьянских детей [74].

Следует, однако, отметить, что утверждения о знакомстве народного просветителя И. Н. Ульянова и пушкиниста П. В. Анненкова вызывают сомнения, так как не сохранилось каких-либо документов об их знакомстве.

Проведение столетнего юбилея со дня рождения великого русского поэта в Симбирске показало, что пушкинская слава не померкла. Подготовка к этой важной дате началась за несколько месяцев. На заседании комитета Карамзинской библиотеки, состоявшемся 1 декабря 1898 года по предложению В. Н. Поливанова, было решено начать подготовку к юбилею поэта. К этому же приступила и Симбирская губернская ученая архивная комиссия. На средства этих организаций и был проведен пушкинский праздник.

8 марта в Симбирскую городскую думу обратился с заявлением ее гласный Котовщиков. Он предложил «в память этого (пушкинского. — А. А.) юбилея разбить нынешней год весной сквер на площади против мужского монастыря, назвав его Пушкинским, поставить в этом сквере бюст великого русского поэта».

Пушкинская комиссия на заседании 7 апреля представила программу праздника. Планировалось построить новое здание для Тутского училища и присвоить этому училищу наименование «Пушкинское», разместить там народную библиотеку: устроить на Покровской площади сквер, назвав его Пушкинским, «с постановкой в нем со временем» пушкинского бюста [75].

Накануне юбилея пополнился музей Симбирской губернской архивной комиссии. Председателем этой комиссии В. Н. Поливановым пожертвованы гипсовый бюст и посмертная маска А. С. Пушкина, его же гравированный портрет, копия с портрета Кипренского [76].

26 мая, в день пушкинского юбилея, в кафедральном соборе была отслужена торжественная панихида. Затем в час дня состоялось литературное утро, посвященное памяти великого поэта [77].

С сообщением: «Пушкин в Симбирске и его симбирские друзья» выступил В. Н. Поливанов. «Краткий очерк жизни и значения А. С. Пушкина», составленный В. Н.

Назарьевым, прочитал председатель губернской управы С. С. Андреевский. Сам автор очерка, по всей вероятности, был болен и не смог присутствовать на торжественном мероприятии. «Глаза так плохи, что я позволю себе послать свое письмо со всеми помарками — не переписывая его», — писал Назарьев редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому 1 октября 1899 года [78].

Сотрудник «Самарской газеты», в прошлом назарьевский воспитанник В. И. Маненков, присутствовавший на юбилее, дает оценку очерка. «Очерк, к слову сказать, далеко не дал того, чего можно было ожидать от записного литератора — В. Н. Назарьева, прекрасно, насколько я знаю, изучившего Пушкина и пушкинскую эпоху. Но, по моему искреннему убеждению, не мог сказать (по каким причинам, дело другое) больше того, что сказал и хотел бы сказать» [79].

Назарьев, не выступая за свержение самодержавного строя, часто критиковал современную жизнь. Из-за этой причины не удалось поставить пьесу «В наше время, когда», некоторые произведения он не мог издать несколько лет.

Осторожность, можно сказать излишнюю, писатель проявил и позже, когда он в июне 1900 года обратился с письмом к редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому: «Посылаю Вам случайно попавшую в мои руки переписку Рылеева с Пушкиным. Если прилагаемая рукопись окажется подходящей и интересной, то поместите ее в «Историческ. вестник».

Само собой разумеется, что о каком-либо ни было вознаграждении — не может быть и речи, но я просил бы, чтобы рукопись была переписана, а подлинник немедленно возвращен ко мне и чтобы в «Историческом вестнике» не упоминалось от кого получена рукопись. Впоследствии я, может быть, пришлю еще несколько таких рукописей» [80].

«Переписка Рылеева с Пушкиным» — это скорее всего письма Рылеева к Пушкину. Подлинники этих писем хранились у сына поэта — А. А. Пушкина, который и сдал их в Румянцевскую библиотеку. Всего нам известно 8 рылеевских писем к Пушкину. Все они впервые были опубликованы в книге: «Девятнадцатый век». В журнале «Исторический вестник» они опубликованы не были. Однако в декабре 1905 года появилась публикация рылеевских писем в журнале «Всемирный вестник» (с.

284—291). Если первая публикация была осуществлена Петром Бартеневым, издателем журнала «Русский архив», то нам неизвестно, кто издал письма Рылеева в 1905 году. Поскольку подлинник писем хранился у сына поэта, можно предполагать, что Назарьев переслал копии писем или же черновые варианты.

Что касается упоминания Назарьева о каких-то еще рукописях, то, по всей вероятности, это были рукописи Пушкина и Тургенева, переданные позже в государственные хранилища. Мы можем предположить, что все рукописи были получены Назарьевым от Павла Павловича Анненкова, сына известного литературоведа, в момент подготовки статьи «Краткий очерк жизни и значения А. С. Пушкина.

И хотя до нас не дошла статья Назарьева, текст, который зачитал Андреевский, зато сохранилась статья его бывшей жены К. В. Назарьевой. Она называется «Пушкин и русское общество»[81].

«С той минуты, когда появились в обращении дешевые издания сочинений Пушкина, самые ярые из порицателей его познакомились с великими произведениями поэта — и смущенно опустили голову. Дешевые издания, широкой волной хлынувшие в общество, все-таки не достигли главной массы, т. е. народ, для которого все еще нет возможности приобщиться к культурной жизни и узнать, что более полувека тому назад, когда вся страна томилась под игом крепостничества, русский поэт, изгнанник, писал кровью с проникновенностью истинного гения, с любовью друга, способного вникать в страдания, о которых тогда и думать-то казалось «непристойным» [82], — замечает она.

Назарьева справедливо упрекала русское общество: «Наше общество не знает Пушкина.

И, быть может, пройдет еще целый век, прежде чем народный русский поэт станет известен своему народу» [83].

«Последнее десятилетие не дало выдающихся поэтов, и нет у нас поэта, достойного стоять рядом с Пушкиным, но он был, наш Пушкин, он жил среди нас, он творил, страдая, творил, наслаждаясь, и наш нравственный долг перед ним, перед родиною, которую он горячо любил, соединить две могучие, только-только разъединенные силы: Пушкин и народ»[84]. Такую задачу выдвигает русская писательница.

«Пусть всюду, в каждой хижине любимою книгой станет Пушкин» [85] — этими словами заканчивается статья.

Автор статьи была связана с нашим краем, в конце 60-х и начале 70-х годов она жила на хуторе Назарьевка. Ее подругой была Камилла Адамовна Ранчевская, дочь управляющего имением П. В. Анненкова.

* * *

Многие из пушкинских поклонников-симбирян стали литературоведами-пушкинистами. Благодаря им в немалой степени росла известность и слава поэта.

ПУШКИНИСТЫ-СИМБИРЯНЕ

Н. Г. Чернышевский в свое время заметил: «После славы быть Пушкиным или Гоголем прочнейшая известность — быть историком таких людей[86]. Эти слова в полной мере относятся к таким пушкинистам-симбирянам, как П. В. Анненков, Д. Н. Садовников, А. С. Поляков и М. Д. Беляев.

«Анненкова можно без преувеличения назвать первым ученым-пушкинистом, ибо наряду с В. Г. Белинским он явился основоположником всей последующей литературы о Пушкине... Заслуги в области пушкиноведения ни одного из представителей русской академической науки о литературе до Октября не могут быть сопоставлены с заслугами Анненкова-пушкиниста. Лишь советская наука в лице Б. Л. Модзалевского, П. Е. Щеголева, М. А. Цявловского, Б. В. Томашевского, С. М. Бонди и других ее выдающихся представителей явилась впервые в истории изучения наследия Пушкина достойной продолжательницей того великого дела, начало которого было положено Анненковым в 50-е годы XIX века», — заметил литературовед Г. М. Фридлендер во вступительной статье «Первая биография Пушкина» [87].

П. В. Анненков родился не в Симбирской губернии, но его биография и творчество теснейшим образом связаны с нашим краем. Мы имеем все основания назвать его симбирянином.

В прошлом веке в России, в отличие от нас, современников, датам рождения не придавали большого значения. Многие выдающиеся люди, в том числе и писатели, часто дату своего рождения указывали ошибочно. Не знал точной даты своего рождения и П. В. Анненков.

Незадолго до его смерти составитель «Словаря русских писателей и ученых» С. А. Венгеров обратился к писателю с просьбой сообщить биографические данные. «В ответ на наш запрос, — писал С. А. Венгеров, — супруга Павла Васильевича (сам Анненков был уже тогда очень плох и не осознавал окружающего) передала нам

через покойного председателя Литературного фонда В. П. Гаевского — несколько «Дополнений к биографическим данным энциклопедического словаря Березина», в которых прямо сказано: Анненков родился в Москве 19 июня 1813 года»[88].

В последнем издании Большой Советской Энциклопедии приведены две даты: «19.6 (1.7) 1813; по другим данным, 18 (30).6 1812 Москва...» [89]. Эти же даты приводятся и в других публикациях.

В копии метрического свидетельства, нотариально заверенной, указана дата рождения: «...июнь 1812 года» [90], число же не упоминается. Сама метрическая книга церкви Софии Замоскворецкого сорока за 1812 год сгорела во время захвата Москвы французскими войсками. В книге же за 1813 год записи о рождении П. В. Анненкова нет [91].

В семье Анненковых отмечали не день рождения Павла Васильевича, а именины. В письме от 29 июня 1868 года Глафира Александровна писала своему мужу: «Сегодня день твоего Ангела, поздравляю тебя, мой милый друг...» [92].

А сын писателя, Павел Павлович, в своем дневнике записал: «29 июня — 11-го июля. Мои и папины именины» [93].

Днем рождения писателя, видимо, является 18 июня [94]. Единственная дата, встречающаяся в документах.

Происходил писатель из дворянской семьи. Отец будущего писателя, Василий Александрович, с 1783 по 1805 год служил в конной гвардии и закончил службу поручиком. В год отставки поступил в министерство юстиции. По словам отца писателя, он оставил службу в 1815 году в чине коллежского советника.

Мать Павла Васильевича, Аграфена Ивановна, в девичестве Стрекалова, родом, по всей вероятности, из Нижегородской губернии.

Биографии его предков связаны с селом Скрябином Саранского уезда Пензенской губернии. В архиве саранского уездного предводителя дворянства в «Списке учета дворян» за 1812 год имеются данные о деде писателя, прапорщике Александре Васильевиче Анненкове, владельце 1213 крестьян, сел Скрябино, Анненково, Чуфаровка, Малая Чуфаровка, Кафтыровка, Новая Ивановка, Трусовка [95].

Один из Анненковых женился на Чириковой. Пред-

ставительница этого рода М. М. Анненкова окончила жизнь трагически: она была убита своими крестьянами. А ее сын — Александр Васильевич — не осмелился переехать в Чириково. И только внук М. М. Анненковой — Василий Александрович — после раздельного акта в 1813 году переехал сюда вместе с женой и детьми.

Восемь лет Павел Анненков провел на симбирской земле. Вскоре после приезда в деревню в семье родился сын Иван, которому суждено было стать инициатором издания научного собрания сочинений А. С. Пушкина. В метрической книге с. Чирикова записано: «...по метрическим Симбирского уезда села Нового Чирикова [96] за тысяча восемьсот тринадцатый год книгам под № 41 значится так: ноября 10 дня села Чирикова у надворного советника и кавалера Василия Александрова сына Анненкова родился сын Иоанн, крещен 14-го числа. Восприемником ему был сын его родной, отрок Александр Васильев. Молитствовал и крещение совершал приходский священник Петр Стефанов, при крещении был диакон Василий Андреев» [97].

Отношения с крестьянами отцу наладить не удалось. Более сорока лет они не знали, что такое помещичья власть. В 1817 году крестьяне устроили бунт, зачинщики были сосланы в Сибирь. Но крестьяне и после этого не прекратили борьбу. Летом 1821 года в симбирскую полицию явилось 70 чириковских крестьян с жалобой на жестокое поведение В. А. Анненкова. Последовало расследование крестьянских жалоб, В. А. Анненкова отстранили от управления имением. Отец Павла Анненкова с семейством переехал в Москву.

В Москве братья Павел и Иван поступили учиться в один из пансионов. Но вот пансион закончен, и Павел Анненков едет учиться в столицу: сначала учится в Горном кадетском корпусе (1825—1829), а затем — на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1829—1832). Не закончив его, Анненков в 1833 году поступает на службу в министерство финансов.

В конце 1831 или в начале 1832 года Анненков, через А. А. Комарова, входит в круг приятелей молодого Гоголя — Н. Я. Прокоповича, А. С. Данилевского, И. Г. Пащенко и других. Своим вниманием и участием они поддерживали Гоголя в начале его творческого пути.

Анненков был заядлым театралом, имел связи с актерским миром, а через братьев — с высокопоставленной

частью общества. Судя по переписке, он наряду с нежинским приятелем Гоголя И. Г. Пащенко оказывал писателю помощь и в отыскании наиболее интересных административных «дел» и казусов.

В дальнейшем, после отъезда Гоголя за границу, приятельские связи писателя с прежними друзьями и знакомыми, в том числе и с Анненковым, сохраняются.

Через Комарова Павел Васильевич осенью 1839 года познакомился и с Белинским. «Я сошелся с Белинским в первый раз у А. А. Комарова, преподавателя русской словесности во втором кадетском корпусе. Комаров занимал и квартиру в зданиях корпуса», — писал П. В. Анненков [98]. С конца 1840 года по начало 1843 года Анненков путешествует по Германии, Италии, Франции. В апреле—июле 1841 года вновь общается с Гоголем, переписывает под его диктовку главы романа «Мертвые души» [99].

О первом заграничном путешествии Анненков рассказал в «Парижских письмах», опубликованных в «Современнике».

В 1843—1845 годах Анненков живет на родине. Он вращается в московских и петербургских кругах, связан с Белинским, Герценом.

В 1846—1848 годах писатель опять уезжает за границу, посещает Берлин, Брюссель, Париж. Через друзей— В. Боткина, М. Бакунина — он знакомится с К. Марксом, Ф. Энгельсом, Прудоном и другими деятелями. Он присутствует на одном из заседаний Брюссельского корреспондентского комитета коммунистов, который возглавлял Маркс.

Между Анненковым и Марксом завязалась оживленная переписка. В результате на свет появилось знаменитое письмо Маркса Анненкову от 28 декабря 1846 года, явившееся наброском статьи «Нищета философии».

После приезда из Парижа Павел Васильевич вместе с братом Федором Васильевичем спешит в Чириково. В Симбирской провинции предстояло оформить раздел имения со старшим братом, Александром Васильевичем.

Новый 1849 год братья Анненковы встретили в Чирикове. После этого писатель переехал жить в Симбирск. «Терроризация достигла и провинции. Города и веси сами указывают, кого хватать из так называемых либералов; доносы развиваются до сумасшествия: общее подозрение всех к каждому и каждого ко всем...» [100].

Летом 1849 года писатель в Чирикове. Тогда же он совершает двухдневное путешествие от Богородска до Симбирска вместе с Толстым, Ермоловым и другими симбирянами.

Осенью выезжает в Петербург, заехав в Скрябино к брату Александру[101].

С весны 1850 по осень 1851 года Анненков вновь в Чирикове и Симбирске. Зиму 1850/51 года он провел почти безвыездно в доме Кашперовой, весной посетил деревню Татаринова — Новую Ерыклу.

Почти за три года пребывания в Чирикове и Симбирске Анненков написал большинство «Провинциальных писем» [102].

В письме к нему от 12 августа 1847 года Н. В. Гоголь заметил: «Я подумал, что если бы... начали Вы писать заметки о русских городах, начиная с Симбирска...» [103].

Павел Васильевич продолжил традиции русских писателей В. И. Даля, П. В. Киреевского, Н. М. Языкова. «Провинциальные письма» — очерки, воспоминания автора о его посещении Поволжья, Прикамья, по всей вероятности, в 1843—1844 годах. Не исключена возможность, что писатель побывал в Симбирской провинции в конце 30-х годов. «Я находился тогда под влиянием страсти к открытиям, исследованиям, антикварским находкам, которая с годами много поутихла» [104]. В этнографических записках рассказывается о занятиях, жилищах, одежде, крепостном театре.

Позже здесь же, в Чирикове, Анненков продолжает работать над подготовкой издания собрания сочинений А. С. Пушкина. Одни авторы относят это событие к 1849 году, другие — к 1850, а третьи — к 1851-му.

Известный ульяновский литературовед П. С. Бейсов писал: «В декабре 1848 года писатель и литературный критик П. В. Анненков приехал в свое родовое имение в Чириково. В 1849 году он деятельно работал над подготовкой собрания сочинений А. С. Пушкина. В его распоряжении находились пушкинские рукописи, присланные женой поэта как раз перед отъездом критика в Чириково. Н. Н. Пушкина прислала Анненкову два сундука бумаг мужа» [105].

В другом издании читаем: «Павел Васильевич Анненков перевез к себе сундук с бумагами осенью 1850 года, проработал три года и еще один год потратил на печатание и цензуру» [106].

Н. Эйдельман заметил: «...старший Анненков (Фед. Вас.) передавал все добытое младшему, который с 1851 года сидел в деревне и разбирал кипы пушкинских бумаг» [107].

Когда все же Павел Васильевич приступил к работе над пушкинскими рукописями? Брат писателя, Иван Васильевич Анненков, содействовал доступу к рукописям Пушкина еще при жизни Белинского в 1847 году. Павел Васильевич писал братьям Ивану и Федору в июне этого года: «Ванюша теперь в хлопотах, но я рад, что пушкинские рукописи им не пренебрежены. Белинский мне говорил, что Вы за них взялись весьма дельно, и я думаю, что к его возвращению в Россию, что случится в ноябре месяце, уже у вас будет готово что-нибудь весьма интересное показать ему» [108].

Б. Л. Модзалевский в книге «Пушкин», ссылаясь на переписку братьев Анненковых, указывает, что издание пушкинских рукописей очутилось в руках Павла Васильевича осенью 1851 года[109]. Это подтверждает и сам издатель пушкинских произведений, живший осенью 1851 года в Москве у младшего брата. «Между тем брат Иван привез с собой в Москву известие, что дело издания Пушкина он порешил окончательно с Ланской, заключив с нею и формальное условие по этому поводу. Но издание, разумеется, очутилось на моих руках. Страх и сомнение в удаче обширного предприятия, на которое требовались кроме нравственных сил и большие денежные затраты, не покидал меня и в то время, когда уже по разнесшейся вести о нем я через Гоголя познакомился с Погодиным, а через Погодина с Бартеневым (П. Ив.), Нащокиным и другими лицами, имевшими биографические сведения о поэте. Вместе с тем я принялся за перечитку журналов 1817—1825 годов» [110].

Но только писатель приступил к подготовке издания, как тяжело заболел и возвратился к работе лишь в октябре 1851 года в Петербурге. В Чирикове работу Анненков продолжил только в августе 1852 года [111]. «Третий месяц живу один-одинешенек в деревне и засел на 1832 годе биографии Пушкина, — писал он Тургеневу, — решительно недоумеваю, что делать. Он в столице, он женат, он уважаем — и потом вдруг он убит. Сказать нечего, а сказать следовало бы, да ничего в голову не лезет. И так, и сяк обходишь, и все в результате выходит одно: издавал «Современник» и участвовал в «Библиотеке для

чтения»... Какая же это биография? Это уже не писанье, а просто влаченье по гололедице груза на клячонке, вчера некормленной. Только и поддержки ей, что убеждение (хорош корм), что по стечению обстоятельств никто так не поставлен к близким сведениям о человеке, как она... Нечего больно зариться на биографию. Есть кое-какие факты, они плавают, они в пошлости», — писал Анненков из Чирикова И. С. Тургеневу в Спасское 12 (24) октября 1852 года. Перед приездом в Чириково Анненков в Москве взял с собой только что вышедшие тургеневские «Записки охотника», которые прочел «со вниманием и успешно» [112].

Тургенев в ответном письме от 28 октября (9 ноября) 1852 года из Спасского писал: «Я понимаю, как Вам должно быть тяжело так дописывать биографию Пушкина — но что же делать? Истинная биография исторического человека у нас еще не скоро возможна, не говоря уже с точки зрения цензуры, но даже с точки зрения так называемых приличий. Я бы на вашем месте кончил ее... — поместил бы, пожалуй, рассказ Жуковского о смерти Пушкина, и только. Лучше отбить статуе ноги — чем сделать крошечные не по росту. А сколько бы я мог судить, торс у Вас выйдет отличный. Желал бы я, говорю это откровенно, так же счастливо переменить свою манеру, как Вы свою в этой биографии. Вероятно, под влиянием великого истинно древнего по своей строгой и юной красоте пушкинского духа Вы написали славную, умную, теплую и простую вещь. Мне очень хочется дослушать ее до конца» [113].

Затруднения, возникшие у Анненкова, касались главным образом того, что нужно было писать о гибели поэта, ведь в 50-е годы были еще живы многие из родственников Пушкина. В ответном письме Тургенев и подсказывает, как поступить с изложением последней части пушкинской биографии.

Тургенев продолжает интересоваться работой над пушкинской биографией. «С каким нетерпеньем ожидаю я известий о Вашем Пушкине», — писал он из Спасского 29 января (10 февраля) 1853 года [114]. Но лишь 20 июля (старого стиля) Анненков сообщил о завершении работы над подготовкой издания «Сочинений Пушкина» [115].

А в январе 1855 года вышли в свет «Материалы к биографии А. С. Пушкина» — первый том издания сочинений поэта. «Принесите мне завтра полный экземпляр

биографии Пушкина, я начну о ней писать», — обратился Н. А. Некрасов к автору книги сразу же после ее выхода, 12 января 1855 года [116].

В каталоге музея Симбирской ученой архивной комиссии за № 41 значится: «Сочинения Пушкина. Том I. Издание П. В. Анненкова». Этот экземпляр из библиотеки П. В. Анненкова представляет большой интерес в связи с имеющейся в нем рукописной страницей, на которой значится: «Автору образцовой биографии Пушкина и добросовестному издателю сочинений великого нашего поэта Павлу Васильевичу от его литературных друзей и знакомых в память обеда 17 февраля 1855 года». Далее следуют подписи: «Иван Тургенев, Иван Панаев, Василий Боткин, Николай Некрасов, Александр Дружинин, Михаил Михайлов, Михаил Авдеев, Алексей Писемский, А. Майков, Г. Геннади, В. Гаевский, Е. Корш, М. Языков, А. Жемчужников, гр. Алексей Толстой, Арапетов, Н. Гербель, Я. Полонский» [117].

Издание пушкинских произведений затянулось до 1857 года, когда был издан последний том. О подготовке этого тома писатель рассказал в статье «Литературная тяжба». «Составитель их (материалов. — *А. А.*) знал, при какой обстановке и в каких условиях он работает, и мог принимать меры для ограждения себя от непосредственного влияния враждебных сил.

Оно так и было. Нетрудно указать теперь на многие места труда, где видимо отражается страх за будущность своих исследований и где бросаются в глаза усилия предупредить и отвратить толкования и заключения подозрительности и напуганного воображения от его выводов и сообщений», — писал Анненков [118].

«Материалы» готовились в то время, когда у власти находился Николай I, и автор не имел возможности упоминать о связях Пушкина с декабристами, о его взаимоотношениях с царской фамилией. Жива была и Наталья Николаевна Пушкина-Ланская, и Анненков не мог коснуться семейной драмы Пушкина, истории его гибели. Поэтому Анненков подверг рукопись жесточайшей цензуре. А когда цензурные условия ослабли, писатель выпустил дополнительный том, куда вошли произведения, не пропущенные в 1855 году николаевской цензурой [119].

«Теперь, с изданием VII тома Пушкина, дело г. Анненкова кончено, и всякий любитель литературы, кроме разве людей сочувствующих издателям «Северной пче-

лы», почтит, конечно, искренней благодарностью его труды по изданию нашего великого поэта, как истинную заслугу перед русской литературой и обществом» [120], — писал Добролюбов.

«После вялости и мелкоты, которою отличалась наша литература за семь или восемь лет пред тем, это издание действительно было событием не только литературным, но и общественным. Русские, любившие Пушкина, как часть своей Родины, как одного из вождей ее просвещения, давно уже пламенно желали нового издания его сочинений, достойного его памяти, и встретили предприятия г. Анненкова с восхищением и благодарностью» [121],— продолжает критик.

Но и после издания сочинений великого поэта Анненков продолжал собирать свидетельства современников Пушкина.

Так, Л. Н. Толстой направил пушкинисту в 1857 году фрагмент воспоминаний И. И. Пущина «Встреча с Пушкиным за Кавказом». «Посылаю Вам, дорогой Павел Васильевич, записку Пущина, с которым мы живем вместе в Швейцарии. Записка презабавная, но рассказы его изустные — прелесть. Вообще это, видно, была безалаберная эпоха Пушкина...» [122].

П. В. Анненков оказал помощь А. П. Керн в публикации «Воспоминаний об А. С. Пушкине», мысль о написании которых возникла у нее, по всей вероятности, под впечатлением от труда П. В. Анненкова. Он подверг рукопись обработке и передал своему приятелю — редактору «Библиотеки для чтения» А. В. Дружинину. «Воспоминания о Пушкине» с приложением четырех пушкинских поэм к ней появились в апрельской книжке «Библиотеки для чтения» за 1859 год.

Находясь в Чирикове, П. В. Анненков получил два письма от А. П. Керн, в которых она благодарила его за помощь, поделилась планами написать заметки о Дельвиге и Глинке. 28 июля П. В. Анненков направил из Чирикова в Петербург ответное письмо. «Современников Пушкина все более и более накопляется по ту сторону жизни: тем более обязанностей лежит на тех, которые остались по сю сторону... Если Вы удостоите меня присылкой Ваших заметок, я Вам скажу откровенно свое мнение о них, будучи уверен теперь, что они составляют важное приобретение для истории литературы», — писал Анненков [123].

Воспоминания А. П. Керн «Дельвиг и Пушкин» опубликованы впервые в «Семейных вечерах» (старший возраст) за 1864 год в № 10.

В 50-е годы Анненков известен как литературный критик, он выступает со статьями: «Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году» (1854), «О значении художественных произведений для общества» (1856), «Литературный тип слабого человека» (1859). В них он утверждал мысль о необходимости морального воздействия литературы на общество.

С середины 60-х годов писатель подолгу живет с семьей за границей, а в дальнейшем остается там на постоянное жительство, иногда приезжая в Россию. Как правило, это происходило летом.

В 1861 году писатель по заданию общества для пособия нуждающимся ученым и литераторам приезжает в Симбирскую губернию с целью создания его агентства в Симбирске и других городах Поволжья.

В качестве литературного критика Павел Васильевич Анненков выступал и в 1849—1868 годах, в период неоднократного посещения Чирикова [124]. По мнению литературоведа Б. Ф. Егорова, этот период был главным и наиболее интенсивным периодом в творческой биографии писателя.

В 1874 году Анненков издал книгу «Пушкин в Александровскую эпоху», в которой возвращается к детству и юности поэта, к раннему периоду его творчества. Это он сделал для того, чтобы осветить вопрос о лицейских годах поэта, его связях с декабристами. Однако декабристские связи поэта Анненков объясняет не как проявление стойких политических симпатий, а желанием выделиться из общей массы сверстников, стремлением влиться в ряды независимой от престола аристократии [125].

В 1848 году в Симбирске была открыта Карамзинская библиотека, созданная на основе личной библиотеки Н. М. Языкова. Она располагала огромными ценностями. Самым замечательным периодом в ее истории были 70-е годы минувшего века, когда, возглавляемая председателем библиотечного комитета Н. А. Языковым, племянником поэта пушкинской плеяды, она превратилась в крупнейший культурный центр Поволжья и стала одной из лучших в России.

В 70-е, а затем в 90-е годы в составе комитета библиотеки состоял писатель Назарьев, друг Анненкова, дея-

тельный участник этого органа. 4 марта 1875 года члены комитета заслушали назарьевское заявление с просьбой его знакомого П. В. Анненкова передать в библиотеку свою книгу «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху». Назарьев одновременно внес свое предложение просить Анненкова, «как писателя Симбирской губернии, прославившегося своими критическими сочинениями, пожертвовать свой портрет и все свои сочинения в Карамзинскую библиотеку».

В инвентарных книгах библиотеки удалось отыскать записи о поступлении в 70-х годах нескольких анненковских книг, и, хотя об источнике их появления не упоминается, можно предположить, что книги были переданы в библиотеку Назарьевым.

Интересно отметить, что 14 июля 1870 года П. В. Анненков посетил библиотеку, о чем сохранилась запись в отчете [126].

Достойным вкладом в изучение творчества Пушкина явились статьи, опубликованные Анненковым в 1880—1881 годах в «Вестнике Европы»: «Общественные идеалы А. С. Пушкина (Об эволюции политических взглядов поэта и связи с ними его журнальных замыслов конца 20-х — начала 30-х гг.)» и «Литературные проекты А. С. Пушкина. Планы социального романа и фантастической драмы о папессе Иоанне». В этих двух работах рассматривается творчество Пушкина 30-х годов и роль его произведений в истории развития русского общественного самосознания в первые годы царствования Николая I [127].

В письме от 1 (13) мая 1882 года из Парижа Тургенев писал П. В. Анненкову в деревню: «Затем все, что отыщется после меня в моих бумагах, как-то: начатые романы, повести, неконченные и недоделанные, рассказы, а равно и мои личные записи и корреспонденцию, также рукописи напечатанных сочинений — предоставляю Вам самим, любезный Павел Васильевич, в полное распоряжение и употребление, смотря по Вашему усмотрению» [128].

В августе 1883 года Тургенев скончался. «Ваши новости из области литературы и о Салтыкове не хорошего запаха. Они перестали даже и занимать меня. Все известия из этой сферы сулят могилы — кажется, литературу русскую мы похоронили с Тургеневым. Наступило время второстепенных литераторов — Назарьевых, Анненковых» — так откликнулся П. В. Анненков на смерть

друга, с которым был знаком четыре десятилетия, в письме к Стасюлевичу [129].

Летом 1885 года над существованием архива и библиотеки нависла угроза. В ночь на 24 июня 1885 года в селе Чирикове был подожжен скотный двор. Подозрение пало на отставного солдата О. С. Борискина. Началось следствие, однако «за отсутствием признаков преступления» дело было прекращено. В этом деле содержатся интересные сведения. Так, упоминается кучер «Михайла Антонов Чевыров, 38 лет, крестьянин из д. Тимофеевка»[130]. Речь идет о человеке, который перевозил почту для Анненковых, в том числе письма Пушкина и Тургенева.

К счастью, пожар был затушен и анненковский архив спасен. Анненков писал своему приятелю Стасюлевичу по этому поводу: «Какое Вам дело, что наемный рабочий с подложным паспортом ушел от меня, предварительно зажегши мою конюшню в деревне, при чем сгорели 7 голов лошадей, а в том числе и заводской жеребец, который порядком дорого стоил и которым любовались все соседи...

Содрогаюсь при мысли, что так же точно от одной спички проходимца может быть обращен в пепел и весь мой дом со всем его содержимым, а содержит он кой-что — что дорого не мне одному» [131].

Весной 1887 года Анненкова не стало. Однако его наследие до сих пор привлекает внимание ученых. В некрологе, опубликованном в «Вестнике Европы», историк русской литературы А. Н. Пыпин заметил об анненковском издании Пушкина: «Предприятие Анненкова было особенно ценно в обстоятельствах, в которых жила тогда наша литература. Обстоятельства были очень неблагоприятные. Окруженная тяжелым недоверием и подозрением, литература едва хранила нить предания сороковых годов, и издание Пушкина приобрело цену нравственного обозрения: это было притом не только напоминание, но в значительной степени и реставрация писателя, который для критики сороковых годов был величайшим явлением русской литературы и залогом ее будущего. Труд Анненкова был первый в своем роде опыт исследования внешней и внутренней биографии писателя истории, его содержания и способов творчества. Позднее, когда подобные издания установились и размножился вообще историко-литературный материал, нетрудно было указать

недосмотры и ошибки в работе Анненкова, забывают только, что в подобных случаях чрезвычайно важно и особенно трудно бывает именно начало» [132].

«Литературное наследие Анненкова составляет золотой фонд русской культуры. И во всех своих работах он предстает перед нами не только как яркий и своеобразный талант, не только как европейски образованный человек, но как человек, стоящий на вершине современной ему социальной и эстетической мысли», — замечает литературовед Н. Н. Конобеевская [133].

После смерти Павла Васильевича Анненкова и до 40-х годов нашего века продолжали поступать материалы из его архива.

В июне 1897 года правитель дел Симбирской ученой архивной комиссии Д. И. Сапожников вместе с членами комиссии П. Л. Мартыновым, В. Э. Красовским и фотографом-любителем П. В. Иванцовым посетили чириковскую усадьбу Анненковых. Здесь они познакомились с прекрасной библиотекой. Библиотека эта помещалась в опустевших комнатах барского дома, книги хранились в многочисленных шкафах и на полках в полном порядке. Стены бывшего кабинета Павла Васильевича уставлены полками, переполненными периодическими изданиями за прежние годы. Здесь полные экземпляры «Современника», «Отечественных записок», «Русской беседы» и других журналов за все годы их существования. В кабинете хранился прекрасный бюст Белинского и его посмертная маска и маска Пушкина. В письменном столе, среди разных рукописных документов, относящихся преимущественно к первым годам существования села Чирикова (XVII—XVIII столетий), было найдено редкое четырехтомное издание «Российский Гербовник». В соседней комнате три книжных шкафа, один другого интереснее. В первом — масса произведений различных авторов исключительно исторического содержания; тут же, на нижних полках, в два ряда полные собрания сочинений русских классиков; в этом же шкафу хранилось и первое анненковское издание полного собрания сочинений Пушкина, очевидно, авторский экземпляр в дорогом переплете с золотым обрезом.

Во втором шкафу произведения иностранных авторов на французском и немецком языках, касающиеся истории России, истории Французской революции. Третий шкаф представлял также большой интерес, так как со-

держал заграничные издания русских книг, журналов и газет.

В сарае, вместе с книгами, Сапожников обнаружил рукописи А. С. Пушкина — семь толстых листков бумаги, в четвертинку каждый, с отрывками из записок поэта лицейского периода. Кроме того, найдены пушкинские рукописи: «Замечания на Анналы», «Заметки о холере» и стихотворение «Под небом голубым страны своей родной» [134].

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции сын писателя Павел Павлович передал архив своего отца в Пушкинский Дом Академии наук СССР в Ленинграде. Согласно описи, составленной предположительно в 1919 году, переданный архив распадается на две части: архив И. С. Тургенева (около 500 писем) и архив П. В. Анненкова (более 220 писем) [135].

В состав тургеневской части архива вошло 11 писем Гончарова, 6 писем Герцена, 3 письма Толстого, 8 писем Писемского. В другой части оказалось письмо Маркса из Лондона в Париж от 9 декабря 1847 года. Вот что писал Маркс Анненкову:

«Дорогой Анненков!

Партийные соображения, о которых я не могу здесь писать подробно, побудили меня поехать в Лондон. Я использовал это путешествие также для того, чтобы установить связь между брюссельской Демократической ассоциацией и английскими чартистами и обратиться к этим последним с речью на публичном митинге».

Далее Маркс сообщает об издании брошюры «Нищета философии» и просит одолжить денег. «Дело не только в том, что моя жена и дети больны. Мое материальное положение в данный момент является настолько критическим, что мою жену буквально осаждают кредиторы и она испытывает отчаянные денежные затруднения...

При таком положении, о котором я без стеснения, откровенно рассказываю Вам, Вы поистине спасли бы меня от величайших неприятностей, если бы смогли переслать моей жене 100—200 франков.

Уплатить долг я, конечно, смогу только после того, как мне удастся урегулировать свои денежные отношения с моими родными» [136].

Письмо это хранится в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, куда оно поступило из Пушкинского Дома в 1933 году. Вместе с письмом

Маркса в Пушкинский Дом поступило 7 писем Гоголя, 6 писем Гончарова, 2 письма Герцена, 5 писем Белинского, 15 писем Некрасова, столько же — Огарева и 60 писем Писемского. Здесь же оказались и письма к Пушкину [137].

Однако, как оказалось, не все материалы из архива Анненковых попали в Пушкинский Дом. В 20—30-е годы нашего века Симбирск — Ульяновск стал местом нескольких находок ценнейших рукописей.

В феврале 1931 года ульяновским литературоведом Н. Н. Столовым в личном архиве В. Н. Назарьева было найдено несколько пушкинских автографов.

Вновь найденные пушкинские материалы представляли собой черновые записи, написанные поэтом для себя, со многими исправлениями и вставками, а также жандармскими пометами, сделанными красными чернилами. Среди находок: стихотворение «Я думал, сердце позабыло», план романа «Русский Пелам», план и набросок начала статьи «О ничтожестве литературы русской», возражение на статью А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и 1825 годов», начальный план повести «Капитанская дочка» (с фамилией Валуева вместо окончательной — Гринева), план сказки о Бове, набросок двух стихов, список произведений для неопределенного издания, приходно-расходная запись 1834 года.

В том же архиве найдены материалы, связанные с А. С. Пушкиным: письмо к поэту на французском языке, договор на издание журнала «Современник», запись беседы А. С. Пушкина с А. П. Керн, заметки И. С. Тургенева к повести «Первая любовь» и роману «Накануне».

Среди пушкинских рукописей, найденных в назарьевском архиве, нет ни одного нового произведения. Однако ульяновская находка 1931 года внесла исправления в некоторые тексты и явилась ценнейшим материалом по истории творчества поэта в зрелые годы.

В кабинете Назарьева близ села Новоникулина хранились пушкинские рукописи до переезда семьи Назарьевых в 1917 году в Симбирск. Архив В. Н. Назарьева, включая и пушкинские рукописи, был перевезен в дом № 5 по Введенскому переулку (ныне переулок Зеленый) и хранился здесь до 1931 года. Дом, где были обнаружены пушкинские рукописи, не сохранился.

О хранении пушкинских рукописей в архиве дочери среди бумаг назарьевского архива стало известно литературоведу Н. Н. Столову. Он осенью 1930 года сообщил об этом заведующему рукописным отделением Публичной библиотеки Союза ССР имени В. И. Ленина Г. П. Георгиевскому [138].

«В Ульяновске надо как следует поднять розыски историко-литературных материалов, ведь этот город издавна славился пребыванием там литераторов. Не осталось ли чего у владельцев рукописей Пушкина еще что помимо Пушкина? Ведь это все, вероятно, из архива Анненкова.

Хлопочите, пожалуйста, как можно больше по этому делу.

Ведь надо же нам наконец из всех сил взяться за собирание огромных материалов тогдашней эпохи, и не только за собирание, но и за печатание их...» [139] — писал В. Д. Бонч-Бруевич, узнав о находке пушкинских рукописей.

Больше рукописей Пушкина отыскать не удалось. Судьба же материалов, обнаруженных в архиве Назарьева, не давала покоя ульяновскому краеведу. 19 февраля 1931 года он пишет заместителю председателя комиссии по созданию Центрального литературного музея В. Д. Бонч-Бруевичу: «Не знаете ли о судьбе рукописей Пушкина, найденных в Ульяновске? Когда, где и кем будут они напечатаны? Неужели не удастся Вам заполучить их для «Звеньев» [140] («Звенья» — сборник материалов и документов по истории русской литературы преимущественно XIX века. — *А. А.*).

2 марта 1932 года Н. Н. Столов получает ответ. «Пушкинские рукописи, — писал В. Д. Бонч-Бруевич, — я давным-давно предлагал напечатать в № 1 «Звеньев». Они (сотрудники библиотеки имени В. И. Ленина. — *А. А.*) вначале согласились, потом сказали, что выпустят на днях сами. Но это «на днях» тянется до сих пор» [141].

Автографы А. С. Пушкина, обнаруженные в назарьевском архиве, были опубликованы в 1934 году в третьем выпуске «Трудов Публичной библиотеки имени В. И. Ленина». В июне 1938 года автографы А. С. Пушкина, найденные в назарьевском архиве, сданы в Пушкинский Дом (Институт русской литературы Академии наук) и в настоящее время хранятся там.

Среди замечательных людей и пушкинистов прошло-

го века — Дмитрий Николаевич Садовников (1847—1883), поэт, переводчик, собиратель русского фольклора. Его называют «певцом Волги».

Мне памятны такие ночи,
Когда на Волгу с высоты
Глядятся звезды, словно очи,
А Волга, двигая плоты,
Своими светится огнями,
И темной ночью невдомек,
Где небо. Высоко над нами
Иль на земле у наших ног?
Их два: то небо недвижимо
В покойной тонет в глубине,
А это проплывает мимо,
Послушно медленной волне, —

писал поэт [142].

Нелегко сложилась жизнь поэта, связанного с нашим краем самыми тесными узами... Трех лет он лишился матери, тринадцати лет — отца. Но отец будущего поэта сумел привить ему любовь к литературе.

Не закончив Симбирской гимназии, Дмитрий Садовников становится домашним учителем. Идет время.

Оставив троих детей, умирает жена. Но жестокая судьба не сломила Садовникова. Он продолжает заниматься поэзией и фольклором, получает высокую оценку поэта Я. П. Полонского: «У него кованный самой искусной рукой стих» [143].

Широко известна песня на слова Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень», поэтическое переложение рассказа английского путешественника.

При жизни Садовников успел издать всего одну книгу «Загадки русского народа», перед смертью был подготовлен материал для книги «Сказки и загадки Самарского края» [144]. Она вышла в 1884 году.

Литературовед П. С. Бейсов заметил по поводу наследия Садовникова: «Творческая и научная деятельность собирателя устных народных произведений Поволжья, оригинального и талантливого поэта, незаурядного критика и замечательного переводчика Дмитрия Николаевича Садовникова в достаточной мере еще не изучена (1847—1883). Этому мешает, в частности, то, что до настоящего времени литературное наследие поэта, разбросанное по многочисленным журналам, полностью не собрано, а материалы его личного архива не только

не изучены, но и не выявлены полностью. Первый сборник стихотворений Д. Садовникова «По старой Волге» был издан в 1906 году в Симбирске. В него вошли стихотворения, посвященные Волге и Степану Разину. В 1913 году в Петербурге вышел в свет сборник «Песни Волги», включавший его стихотворения и переводы иностранных поэтов. И наконец, в 1940 году в Куйбышеве были изданы избранные произведения Садовникова «Певец Волги» [145].

Д. Н. Садовников известен и как пушкинист. Он опубликовал шесть пушкинских писем к поэту Языкову, письма братьев Языковых, касающиеся Пушкина, явился учредителем и членом Пушкинского кружка в Петербурге [146]. Не случайно поэтому портрет Д. Н. Садовникова по праву занял место в музее А. С. Пушкина в Москве.

На одной из «пятниц» у Я. П. Полонского, 22 февраля 1880 года, зародились мысли о создании «Кружка любителей поэзии» — Пушкинского кружка. Затем на квартире у В. П. Острогорского был набросан проект устава. 7 марта Садовников с этим наброском плана приехал к Я. П. Полонскому. Здесь же присутствовали писатели Тургенев и Григорович.

Садовников в общих чертах сообщил о предполагаемом основании Пушкинского кружка и о необходимости содействия со стороны всех заинтересованных лиц. Во время встречи с Тургеневым 9 марта, на которой присутствовали В. В. Чуйко и В. П. Острогорский, Д. Н. Садовников предложил написать записку с объяснением целей общества и обещал «в виде слуха» сообщить об основании общества на обеде у принцессы Евгении Максимовны Ольденбургской. До сих пор, правда, неизвестно, осуществил ли он свои намерения.

В инициативную группу, которую возглавил Н. П. Стремоухов, вошли Д. Н. Садовников, М. Н. Альбов, К. С. Баранцевич, А. В. Круглов, Н. И. Позняков, В. П. Мартов и другие.

Устав Пушкинского кружка был утвержден правительством 30 сентября 1881 года. Вечера этой организации обычно проходили в Знаменской гостинице. На них с чтением своих произведений выступали В. М. Гаршин, Н. М. Минский, С. Н. Атава-Терпигорев, Н. С. Лесков.

Председателем Пушкинского кружка был избран Плещеев. А писатель Тургенев был избран в почетные члены.

Д. Н. Садовников предпринял неудачную попытку добиться согласия на избрание в председатели кружка беллетриста-лексикографа Н. П. Макарова. Но тот вышел из членов кружка и организовал новое общество под названием «Пушкинское собрание».

История Пушкинского кружка и отчасти Пушкинского собрания описана в романе М. Альбова и К. Баранцевича «Вавилонская башня». В этом произведении Д. Н. Садовников, по всей вероятности, является прототипом образа «народного поэта» и «продолжателя Кольцова» Дмитрия Горшкова [147].

Во второй половине 70-х годов прошлого века И. С. Тургенев опубликовал в «Вестнике Европы» письма Пушкина к жене, переданные дочерью поэта, а также два письма Пушкина и одно — его отца Сергея Львовича, хранившиеся в архиве Н. И. Тургенева. О любви Тургенева к А. С. Пушкину поведал Садовников в статье «Встречи с Тургеневым». «Я ученик Пушкина, и у меня всегда было страшное желание, если напишу что-нибудь хорошее, посвятить памяти Пушкина. Теперь мне 61 год, много вещей уже написано, но я всякий раз говорил себе, нет, еще рано, вот напишу что-нибудь получше. И так вот до сих пор не нашел ничего достойного его памяти. Заметьте, что у них (у молодых Пушкиных) много писем разных лиц и никто не знает их содержания. Все это может пропасть, как и пропадает».

Разговор произошел 1 февраля 1880 года на одной из «пятниц» Полонского. Не случайно затем Тургенев был избран почетным членом Пушкинского кружка.

Памяти любимого поэта Садовников посвятил стихотворение. В нем есть такие строки:

Любили мы, но спорною любовью!
Давно ль у нас топтали твой венок?
Но ты простишь минутному злословью,
Сознанием прекрасного высок.

Поэт называет Пушкина «поэтом-чародеем», певцом живой любви и красоты [148].

19 декабря 1883 года Д. Н. Садовников скончался в Петербурге. Мы благодарны Садовникову за пушкинские материалы, опубликованные в «Историческом вестнике» в 1883—1884 годах. Дмитрий Николаевич подготовил публикацию текста пушкинских писем к Н. М. Языкову [149].

До этой публикации одно из писем было опубликова-

но полностью в «Материалах для биографии А. С. Пушкина», из трех писем сделаны извлечения, два письма не были напечатаны. По всей вероятности, во время работы над пушкинскими материалами он проживал в доме Полуэктова по улице Мартыновой (ныне улица Радищева, дом снесен).

Какова судьба языковского архива? После смерти Д. Н. Садовникова он вновь оказался у П. А. Языкова, а в 1891 году — у его сына Петра Павловича. Где он хранился раньше, мы не знаем. Известно лишь, что до него материалы попали к В. Н. Поливанову, председателю Симбирской губернской ученой архивной комиссии.

Тот передал языковский архив в Пушкинский Дом Академии наук незадолго до первой мировой войны. Архивом Языковых воспользовался в 1897 году биограф Н. М. Языкова и Н. В. Гоголя — В. И. Шенрок [150]. Письма же Пушкина, по всей вероятности, остались в собрании Поливанова в Акшуате, а оттуда попали на склад губоно в Симбирск.

Они затем отыскались. Библиотекарь Симбирского губернского книгохранилища З. Ф. Чигирь в июне 1922 года разбирала старые документы бывшей Карамзинской библиотеки и натолкнулась на пушкинские письма. Из Симбирска находка была передана в Пушкинский Дом, где хранится и сейчас [151].

Интересна судьба писем к Давыдову. До нас они не дошли. После смерти поэта-партизана архив перешел к его старшему сыну Василию Денисовичу, затем к его родственнику П. Н. Давыдову. Вдова последнего передала их в архив Русского военно-исторического общества.

После революции давыдовский архив «кочевал» из одного государственного хранилища в другое, пока наконец не попал в Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Однако в бумагах Давыдова в ЦГИА пушкинских писем не оказалось, а поскольку они не опубликованы, мы не знаем их содержания [152].

В Академии наук Пушкинский Дом занимает важное место. Это единственное научное учреждение, занимающееся изучением русской литературы. Здесь хранятся богатейшие рукописные собрания, сложилась обширная коллекция изобразительных материалов по истории русской литературы, создана библиотека.

С 1917 года почти все книги Пушкинского Дома стали выходить в издательстве Академии наук. Первыми в нем были публикации писем Пушкина к Е. М. Хитрово и брошюра о последней квартире Пушкина.

В работе принял участие сотрудник Пушкинского Дома, уроженец Симбирска, Михаил Дмитриевич Беляев, который работает бок о бок с такими пушкинистами, как М. А. Цявловский, Б. В. Томашевский, Б. Л. Модзалевский, Н. В. Измайлов, Ю. Г. Оксман [153].

М. Д. Беляев принял участие в составлении акта о приеме ценностей из музея В. Н. Поливанова в Акшуате 6 ноября 1918 года. Здесь значатся письма Карамзина и Дмитриева, семейный архив со стихами Лермонтова.

В 1921 году выходит брошюра М. Д. Беляева «Выставка в память столетия со дня рождения Н. А. Некрасова в залах Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Путеводитель». В следующем году выходит его брошюра «Пушкин и его современники. Указатель Первой отметной выставки Пушкинского Дома при Российской Академии наук».

Беляев участвовал в подготовке публикаций В. Г. Короленко, Писарева, Некрасова, Чехова. Кстати, он один из подготовителей публикаций в альманахе Пушкинского Дома «Радуга».

Под редакцией М. Д. Беляева в 1924 году в серии «Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук» вышла книга «Островский. Новые материалы. Письма, труды и дни. Статьи». Михаил Дмитриевич является и автором предисловия: «Неизданные страницы Островского».

Перу М. Д. Беляева принадлежит большое количество статей о Пушкине, опубликованных в периодической печати.

В 1920-е годы Пушкинский Дом неоднократно командировал М. Д. Беляева в Симбирск — Ульяновск. Весной 1927 года во время очередной поездки он приобрел для Пушкинского Дома у жены и дочери В. Н. Назарьева три отрывка из черновых рукописей И. С. Тургенева (план «Первой любви» и начало «Вечеринки»).

С сообщением о ценной находке в местной газете «Пролетарский путь» выступил литературовед Н. Н. Столов. Он писал: «В Ульяновске в архиве писателя В. Н. Назарьева... найдены две неизданные рукописи И. С. Тургенева — начало комедии «Вечеринка», написанной в Па-

риже в 1848 году, и начало повести «Первая любовь», написанной в 1860 году,— комедия «Вечеринка» совершенно не известна и нигде не была напечатана. Рукопись «Первой любви» содержит точную дату создания повести, перечень глав и количество страниц и начало повести с многочисленными вставками и поправками автора. Эта рукопись является, по-видимому, началом чернового наброска повести»[154].

М. Д. Беляев не единственный сотрудник Пушкинского Дома — уроженец Симбирска. Еще одним сотрудником Пушкинского Дома, симбирянином, является Александр Сергеевич Поляков, проживший очень короткую жизнь. Родился 10 ноября 1882 года в селе Ундоры Симбирского уезда, умер 4 октября 1923 года в Петрограде. Его биография мало известна. Учился в Симбирской гимназии и Казанском университете, работал писцом в Симбирской губернской земской управе. Обо всем этом можно узнать из документов Симбирского губернского жандармского управления.

А. С. Поляков значится в списках лиц, состоящих под негласным надзором в 1904—1905 годах. Проживал будущий пушкинист во Введенском переулке, в доме Столетова вместе с женой и сыном[155].

Поляков 29 июля 1905 года участвовал в «незаконном» собрании в земской управе. Еще раньше, в 1904 году, привлекался к дознанию в Казани по делу о принадлежности к Казанской группе социалистов-революционеров. Среди знакомых Полякова значится земский врач Дмитрий Ильич Ульянов и его жена[156].

В жандармских бумагах есть сведения о жене А. С. Полякова, Елизавете Михайловне. Она родилась в селе Четвертакове Ардатовского уезда и также занималась революционной работой. В 1905 году была арестована в Ардатовском уезде «за политическую агитацию среди сельского населения»[157].

Сообщалось, что отец Полякова учительствовал в селе Ундоры Симбирского уезда[158].

А. С. Поляков печатается в изданиях: «Русский библиофил», «Бирюч», «Библиографические листы», «Отголоски нашей жизни», «Жизнь искусства». Свои материалы он печатал под псевдонимами: А. П., Александр П., П., Ред., Ундорский А.[159].

В 1917 году Поляков, сотрудник Пушкинского Дома, в Чирикове приобретает библиотеку П. В. Анненкова

у его сына и доставляет ее в Симбирск, где она хранилась десять лет, до передачи ее в Пушкинский Дом.

В 1922 году выходит книга Полякова «О смерти Пушкина (по новым данным)»[160]. Работа получила высокую оценку. Критик И. А. Гладких так отозвался о ней: «В первом труде очень важными и ценными являются впервые опубликованные некоторые письма, донесения, исторические справки, записки и прочее. Помимо литературного текста, вторая половина труда состоит из примечаний (которых насчитывается 172), исчерпывающих почти всю современную библиографию вопроса о дуэли и смерти Пушкина.

Правда, автор этого труда не скрывая говорит, что базируется на громадной важности солидном труде П. Е. Щеголева: «Дуэль и смерть Пушкина», каковой труд явился для него как бы канвой, но публикуемые впервые автором данные проливают свет и дают новые пояснения к дуэли Пушкина или подтверждают нерешительно высказанные П. Е. Щеголевым догадки.

Печатаемые в труде автора документы, бывшие раньше в архиве так называемого III отделения тайной полиции, в настоящее время находятся в рукописном отделении Пушкинского Дома, куда они были переданы по постановлению Российской Академии наук. В первые дни революции, когда архиву департамента полиции угрожала опасность быть уничтоженному толпой, Академия наук, по почину и заботами Пушкинского Дома, получила разрешение от Временного правительства перевезти документы в свое помещение. Многое было уничтожено, разрушено, сожжено толпой, но архив III отделения и департамента полиции оказался почти нетронутым и был перевезен в Академию наук»[161].

В книге впервые публикуются анонимные письма, полученные влиятельными в то время лицами — поэтом Жуковским и графом Орловым.

В книге Поляков делится своими мыслями о Пушкине. «Темные стороны характера Пушкина были недостатками все-таки гениального человека, а не кичливой, самодовольной и пошлой бездарности. Он и мал был по-своему»[162].

Памяти Полякова было посвящено издание Пушкинского Дома: «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина» Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского (Пб., Атеней, 1924). Здесь была опублико-

вана статья «Кто был автором анонимных пасквилей на Пушкина?» Б. Л. Модзалевского, «Апокрифическое письмо имп. Николая к Пушкину» М. А. Цявловского, «Мог ли иностранец написать анонимный пасквиль на Пушкина?» Б. В. Томашевского, а также «Бумаги о дуэли и смерти Пушкина из собрания П. И. Бартенева» [163].

В Ульяновском Дворце книги имени В. И. Ленина хранится отдельный оттиск из «Записок Симбирского областного естественно-исторического музея» под названием «Симбирский губернский музеум. Историческая заметка» с автографом А. С. Полякова: «Дорогому Василию Спиридоновичу Спиридонову на добрую память. Петроград 1915 V/24 от автора».

Автор повествует об истории Симбирского губернского музея, открытого в городе в 1838 году, который, по плану учредителей, должен был служить хранилищем симбирской старины, этнографических коллекций, показательной выставкой кустарного и фабричного производства, одним словом, учреждением, в котором было бы собрано все характерное, все выдающееся из родной культуры и из естественных богатств Симбирской области в прошлом и настоящем.

«Своей организацией и коллекцией музеум обязан был главным образом Петру Михайловичу Языкову», — писал Поляков.

Имя П. М. Языкова — брата известного поэта — почти забыто, и только временами встречаются о нем отдельные упоминания, между тем как для изучения Симбирского края он сделал чрезвычайно много как этнограф, а главным образом как геолог. Перед его памятью виновата не только симбирская историография, но и печать, не давшая ни одной солидной публикации об этом, по мнению самого А. С. Пушкина, «чрезвычайно замечательном человеке» [164].

П. М. Языков родился в Симбирске 26 июня 1798 года, кончил в Петербурге Горный кадетский корпус, потом готовился к профессорской деятельности, но семейные обстоятельства принудили его покинуть столицу и заняться сельским хозяйством в родном Языкове.

В 1838—1841 годах, сопровождая больного брата, известного поэта Н. М. Языкова, за границу, он усердно занимается геологией и палеонтологией, а возвратившись в Симбирск, много работает по специальности. Умер он

17 июня 1851 года в имении жены (урожденной Ивашевой) в селе Ундоры. Похоронен в Языкове[165].

Более скромный вклад в Пушкиниану внес Николай Николаевич Столов (1892—1941). В 1921—1923 годах он работает в Симбирском губполитпросвете заведующим библиотечным подотделом. Он выступает с докладами «Современные проблемы пушкиноведения», «Пушкин и его рукописи в Симбирской губернии». В 1936 году старший научный сотрудник Литературного музея в Москве. В 1938 году ему присвоена бронзовая Пушкинская медаль.

Перед войной Столов — старший научный сотрудник библиографического отдела «Наука» Фундаментальной библиотеки по общественным наукам Академии наук СССР, а 6 июля 1941 года уходит добровольцем на фронт и вскоре погибает в боях под Киевом.

Литературоведы и историки хорошо знают пособия Н. Н. Столова: «О Пушкине», «Галерея великих писателей (Лермонтов, Крылов, Пушкин и другие)». После гибели литературоведа, в 1952 году, вышла книга «Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1918—1936», одним из авторов которой был Столов.

Заканчивая рассказ о симбирянах-пушкинистах, следует отметить, что их вклад в исследование творчества великого поэта неравнозначен. Но их объединяет главное — любовь к пушкинскому наследию, страстное желание сделать его имя бессмертным. Этому благородному делу они посвятили немало времени и труда.

«МЫ ЭТОЙ ПАМЯТИ ВЕРНЫ»

Время неумолимо. Одно событие сменяет другое, стирает в нашей памяти все лишнее. Но вечно в русском сердце имя Пушкина. Как и везде, празднование юбилеев поэта в Симбирске — Ульяновске выливается во всенародный праздник.

...31 декабря 1936 года в Кременковском клубе состоялась конференция, посвященная столетию со дня смерти великого народного поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Три недели готовилось село к Пушкинской конференции. В эти дни редакция окружной газеты превратилась в штаб, куда приходили десятки людей.

Известная писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян в очерке «Как я работала над «Семьей Ульяновых» вспоминает о Пушкинской конференции: «В Ульяновске я прожила две с половиной зимы, занимая в городской гостинице своеобразную квартиру под самой крышей. С первых же месяцев работа в городе сблизила меня с местными работниками газеты, обкома партии, прекрасной Ульяновской библиотеки, картинной галереи. При мне прошла интереснейшая пушкинская конференция в селе Кременках, устроенная и самостоятельно проведенная колхозниками» [166].

...1 июня 1949 года в поселке Языково состоялась районная читательская конференция, посвященная стопятидесятилетию со дня рождения А. С. Пушкина. С вступительным словом на ней выступил секретарь Тагайского райкома ВКП(б) А. Листров.

Доклад «Певец свободы» сделал кандидат педагогических наук Н. Б. Подвицкий. Он подчеркнул, что Пушкин оказал огромное революционизирующее влияние на все дальнейшее развитие русской литературы. Осуществилась мечта поэта видеть Россию свободной, идущей во главе народов мира.

Колхозница сельхозартели «Красный партизан» В. Танеева отметила: «Не найдется в нем (колхозе) че-

ловека, который не читал бы Пушкина. В редком доме вы не встретите его сочинений. У меня родители рядовые колхозники. Отец много лет работает трактористом. Его любимый поэт, так же как и мой, Александр Сергеевич. У меня есть своя библиотечка — 25 книг. В ней имеется сборник драм А. С. Пушкина, его стихи, отдельное издание поэмы «Бахчисарайский фонтан».

На конференции выступил действительный член Академии художеств СССР, народный художник СССР А. А. Пластов. «В наше советское время, — сказал Аркадий Александрович, — особенно много уделяется внимания художественным иллюстрациям бессмертных пушкинских произведений. Хорошая иллюстрация делает книгу более доходчивой».

К стопятидесятилетию со дня рождения А. С. Пушкина в Ульяновске в серии «Ученые записки» вышел «Пушкинский юбилейный сборник».

Начиная с 1969 года, в Языковском парке в день рождения поэта проводятся музыкально-поэтические праздники. 3 июня 1973 года в парке открыты мемориальные доски с одинаковым текстом: «Здесь, в бывшем имении Н. М. Языкова, в сентябре 1833 г., был дважды А. С. Пушкин». «Здесь неоднократно бывал поэт и партизан Д. В. Давыдов»[167].

Ульяновск посещали потомки А. С. Пушкина. В 1968 году наш город посетил праправнук Пушкина — Александр Григорьевич Пушкин. Он подарил заведующей научно-методическим отделом Ульяновского областного краеведческого музея М. М. Савич книгу М. Кнебеля «Вся жизнь».

В составе французской делегации в городе был еще один праправнук поэта — В. М. Воронцов-Вельяминов.

Ульяновские художники уделяют большое внимание пушкинской книжной графике. Замечательный советский художник А. А. Пластов написал иллюстрации к пушкинской повести «Капитанская дочка». Над одной из них — «Суд Пугачева» — художник работал 22 года (1948—1960). Аркадий Александрович написал иллюстрации к пушкинским произведениям «Полтава», «Руслан и Людмила», к книге «Пушкин в Болдине».

Интересно отметить, что если Пушкин, автор «Капитанской дочки», почерпнул часть материала в селе Языкове, то иллюстратором к этой книге стал Пластов, житель соседнего с Языковом села Прислонихи.

Пушкинской темой увлечен ульяновский художник и архитектор Л. Н. Нецветаев. Он выполнил иллюстрацию к сборнику произведений ульяновского поэта В. И. Пыркова «Колокола под снегом». В этой книге он выступает с рассказом «Портрет Пушкина».

В Ульяновском краеведческом музее хранится картина А. И. Титовского «А. С. Пушкин в Языкове» (1958), в музее Давыдова в Верхней Мазе — картина А. Богомолова «Пушкин и Денис Давыдов» (1984), во Дворце книги помещается портрет Пушкина А. И. Дягилева (1975).

В 1955 году в дар Ульяновскому художественному музею поступил «Портрет А. С. Пушкина». Его автор — советский художник Д. Н. Феоктистов.

В Ульяновском художественном музее хранятся зарисовки пушкинских мест. Среди них пейзажи Б. Н. Склярука: «Михайловское», «Сороть», «Дуб», акварель Д. И. Архангельского «Дом Языкова».

Подводя итог сказанному, хочется еще раз вспомнить слова поэта Минаева: «И слава та же, что была». Действительно, пушкинская слава непреходяща. Вместе с тем народ знает и помнит не только великого русского поэта, но и его поклонников и защитников, русских пушкинистов. Тень пушкинской славы падает и на них.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Благой Д. Д. Душа в заветной лире. М., 1979, с. 9.
[2] По другим данным, Карамзин родился в Оренбургской области.
[3] Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982, с. 302.
[4] Там же.
[5] Друзья Пушкина. Т. 1. М., 1984, с. 546.
[6] Савич М. Историку Российского государства. — Ульяновский комсомолец, 1981, 10 апреля.
[7] Переписка А. С. Пушкина. Т. 2. М., 1982, с. 299.
[8] Там же, с. 300.
[9] Друзья Пушкина. Т. 1, с. 446.
[10] Там же, с. 448.
[11] Селиванов К. Литературные места Ульяновской области. Саратов, 1969, с. 18.
[12] Друзья Пушкина. Т. 1, с. 449.
[13] Там же, с. 451.
[14] Там же, с. 461, 462—463.
[15] Там же, с. 463.
[16] Друзья Пушкина. Т. 2, с. 21.
[17] Переписка А. С. Пушкина. Т. 2, с. 465.
[18] Ныне село находится на территории Радищевского района Ульяновской области.
[19] Друзья Пушкина. Т. 2, с. 23.
[20] Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. М., 1960, с. 547.
[21] Сахаров В. Под сенью дружных муз. М., 1984, с. 87.
[22] Там же, с. 87.
[23] Языков Н. М. Пловец. М., 1975, с. 110.
[24] Пушкин А. С. Полн. собр соч. Т. 10. Л., 1979, с. 192.
[25] Там же, с. 302.
[26] Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980, с. 6.
[27] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10, с. 347—348.
[28] Там же, с. 348.
[29] Селиванов К. Литературные места Ульяновской области. с. 27—28.
[30] Турьян М. А. Из истории взаимоотношений Пушкина и В. Ф. Одоевского. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л., 1983, с. 174—192.
[31] Рукой Пушкина. М., 1935, с. 400—401.
[32] Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал, с. 69—70.
[33] Садовников Д. Н. Отзывы современников о Пушкине. — Исторический вестник, 1883, т. 12, с. 537.
[34] Там же, с. 539.
[35] Селиванов К. Литературные места Ульяновской области, с. 28—29.

[36] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10. с. 401.
[37] Там же, с. 446.
[38] Там же, с. 447.
[39] Селиванов К. Литературные места Ульяновской области, с. 184—185.
[40] Там же, с. 42—43.
[41] Соллогуб В. А. Три повести. М., 1978, с. 272—273.
[42] Савин Олег. Пишу тебе в Пензу. Саратов, 1983, с. 113.
[43] Черейский. Знакомые Пушкина. М., 1975, с. 285.
[44] Перов С. Книги поэта. — Ульяновский комсомолец. 1962, 10 февраля.
[45] Бейсов Б. С. Гончаров и родной край. Куйбышев, 1960, с. 87.
[46] Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 7. М., 1952, с. 470.
[47] Там же.
[48] Там же.
[49] Гончаров И. А. Лучше поздно, чем никогда. — В сб.: Гончаров-критик. М., 1981, с. 159.
[50] Гончаров И. А. На родине. Ульяновск, 1956, с. 112.
[51] Десницкий В. А. Статьи и исследования. Л., 1979, с. 169.
[52] Челноков Г. Озаренный пушкинским гением. — Ульяновский комсомолец, 1981, 11 января.
[53] Там же.
[54] Селиванов К. Литературные места Ульяновской области, с. 54—55.
[55] Минаев Д. Стихотворения. М., 1947, с. 212—213.
[56] Там же, с. 222.
[57] Писарев Д. И. Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М., 1956, с. 327.
[58] Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 10, с. 217.
[59] Писарев Д. И. Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М., 1956, с. 328.
[60] Минаев Д. Д. Собрание стихотворений. М., 1947, с. 271.
[61] Там же, с. 308.
[62] В книге «Край Ильича» совершенно бездоказательно утверждается, что Огарев приезжал в с. Чуфарово. Об этом см. подробнее в статье «Н. П. Огарев в Чуфарове?» (Ульяновская правда, 1983, 26 июня).
[63] Селиванов К. Литературные места Ульяновской области, с. 120.
[64] Подробнее см. в кн.: Пассек Т. Т. Из дальних лет. Воспоминания. Т. 3. Приложение. М., 1965, с. 623—624. Цит. по кн.: Воронина Н. В. Огарев и музыка. Саратов, 1981, с. 71—72.
[65] Глинка в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1955, с. 315.
[66] ЦГАЛИ, ф. 2025, оп. 1, ед. хр. 3, л. 12—12 об.
[67] Воронина Н. В. Огарев и музыка, с. 79.
[68] Огарев Н. П. Избранное. М., 1977, с. 351.
[69] Селиванов К. Литературные места Ульяновской области, 1969, с. 62.
[70] Там же, с. 29.
[71] Бейсов П. Наш край и Пушкин. — Ульяновская правда, 1962, 10 февраля.
[72] Трофимов Ж. Великое начало. М., 1979, с. 76.
[73] Трофимов Ж. Гимназист Владимир Ульянов. Саратов, 1976, с. 152—153.
[74] Там же, с. 90.
[75] По поводу чествования 100-летия со дня рождения поэта Пушкина. — Вестник Симбирского земства. Симбирск, 1899.

[76] Отчет Симбирской губернской архивной комиссии за 1899 год. Симбирск, 1900, с. 8.

[77] Чествование памяти А. С. Пушкина. — Симбирские губернские ведомости, 1899, № 38, 20 мая.

[78] Отдел рукописей ГПБ, архив Шубинского С. Н. оп. I, № 78, л. 4.

[79] Самарская газета, 1899, 6 июня.

[80] ОРГПБ, ф. 874, архив Шубинского, оп. 1, № 82, л. 81—81 об.

[81] Новый мир, 1899, № 10, с. 198—201.

[82] Там же, с. 199.

[83] Новый мир, 1899, № 10, с. 198.

[84] Там же, с. 200.

[85] Там же, с. 200—201.

[86] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 16-ти т. Т. 4. М., 1948, с. 720.

[87] Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984, с. 6—7.

[88] Венгеров С. А. Словарь русских писателей и ученых. Т. I. Вып. 1—21. СПб., 1889, с. 597.

[89] Большая Советская Энциклопедия. Т. 2. М., 1970, с. 40.

[90] ЦГАЛИ, ф. 7, оп. 2, д. 2, л. 1.

[91] ЦГИА (Москва), ф. 2121, оп. 1, д. 2124.

[92] ЦГАЛИ, ф. 7, оп. 2, д. 144, л. 43.

[93] ЦГАЛИ, ф. 7, оп. 2, д. 175, л. 11 об.

[94] ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 16, д. 2124, л. 33 (хотя в том же документе год рождения ошибочно указан: 1810). Также ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 45, л. 48—49.

[95] В настоящее время Трусовка входит в состав Лямбирского района, остальные села — в состав Ромодановского района Мордовской АССР.

[96] В настоящее время Чириково — село Цильнинского района Ульяновской области.

[97] ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 16, д. 2124, л. 2.

[98] Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983, с. 127.

[99] Там же, с. 189.

[100] Там же, с. 518—519.

[101] Там же, с. 52.

[102] Там же, с. 528.

[103] Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 2, с. 318.

[104] Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки СПб., 1877, с. 39.

[105] Бейсов П. С. А. М. Горький в жизни Симбирского края. Публикация Никитиной. — Ульяновская правда, 1979, 16 мая.

[106] Летописи Государственного литературного музея. Кн. 3. М., 1938, с. 279.

[107] Эйдельман Н. Пушкин и декабристы. М., 1979, с. 64.

[108] Литературное наследство. Т. 56. М., 1950, с. 191.

[109] Модзалевский Б. Л. Пушкин. — Прибой, 1925, с. 398.

[110] Анненков П. В. Литературные воспоминания, с. 534.

[111] Там же, с. 537. Подробнее см.: Анненков П. В. Материалы для биографии Пушкина, с. 10—11.

[112] Тургенев И. С. Письма. Т. 2, с. 451.

[113] Тургенев И. С. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1961, с. 78—79.

[114] Там же, с. 116.

[115] Там же, с. 506.

[116] Анненков и его друзья. СПб., 1892, с. 635.

[117] Данные взяты из католога музея Симбирской архивной комиссии. Симбирск, 1905, с. 69.

[118] Анненков и его друзья, с. 397.

[119] Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина, с. 22—23.

[120] Добролюбов Н. А. Избранное. М., 1984, с. 184.

[121] Там же, с. 172.

[122] Попов А. А. Декабристы-псковичи. Л., 1980, с. 106.

[123] Керн А. П. Воспоминания, дневники, переписка. М., 1974, с. 297—299.

[124] Егоров Б. В. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982, с. 212.

[125] Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина, с. 26—27.

[126] Отчет о состоянии Карамзинской библиотеки за 1870 г. Симбирск, 1871, с. 12.

[127] Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина, с. 27.

[128] Тургенев И. С. Полн. собр. соч. Т. 13, ч. I, с. 246.

[129] Стасюлевич М. М. Соч. Т. 3, с. 445.

[130] Дело Симбирского окружного суда о поджоге конного двора в имении землевладельца села Чирикова Анненкова. — ГАУО, ф. 108, оп. 16, д. 22.

[131] М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912, т. 3, с. 443.

[132] Вестник Европы, 1887, т. 3, с. 303.

[133] Анненков П. В. Парижские письма. М., 1983, с. 463.

[134] Сапожников Д. И. Вновь найденные рукописи А. С. Пушкина. — Русский архив, 1899, № 2, с. 338—339.

[135] Архив АН СССР, ф. 150. оп. 1, 1919, № 2, л. 206.

[136] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М. 1967, с. 145—146.

[137] Пока не удалось установить, какие именно письма Пушкину поступили в 1919 году в Пушкинский Дом.

[138] Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина. Вып. III. М., 1934, с. 11.

[139] ОРГБЛ, ф. 369, картон 206, ед. хр. 38. Бонч-Бруевич В. Д. Письма Столову Н. Н. (1931—1934), л. 2.

[140] ОРГБЛ, ф. 369, Бонч-Бруевич, картон 339, ед. хр. 19, л. 7 об.

[141] ОРГБЛ, ф. 369, Бонч-Бруевич, картон 369, л. 3.

[142] Селиванов К. Литературные места Ульяновской области, с. 67.

[143] Там же, с. 67.

[144] Бейсов П. Новые автографы и материалы Д. Н. Садовникова. — Ульяновская правда, 1946, 2 июня.

[145] Там же.

[146] Назарова Л. Н. Тургенев и Пушкинский кружок в Петербурге. — Русская литература, 1982, № 3, с. 175—179.

[147] Альбов М. и Баранцевич К. Вавилонская башня. М., 1896, с. 114.

[148] Русские поэты XIX века. Хрестоматия. Составитель Н. Д. Гайденков. М., 1964, с. 850—851.

[149] Письма Пушкина к Н. М. Языкову опубликованы в № 5 «Исторического вестника» за 1884 г., с. 323—328.

[150] Языковский архив. Вып. I. Письма Н. М. Языкова к родным за период его жизни (1822—1829). СПб., 1913, с. 34—37.

[151] Столов Ник. Литературные находки в Ульяновске. 1922—1926. — Ульяновский общественник, 1927, № 7, с. 50.

[152] Подробнее: Челышев Б. Пропавшие письма. — Ульяновская правда, 1972, 6 июля.

[153] Пушкинский Дом. Л., 1981, с. 5.

[154] Столов Н. Н. Вновь открытые рукописи И. С. Тургенева.— Пролетарский путь, 1927, 5 мая, с. 4.

[155] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 315, л. 148—149.

[156] Там же, л. 202 об.— 203, 203 об., 204.

[157] Там же, л. 242.

[158] Там же, л. 193 об. — 194.

[159] Материал взят из словаря псевдонимов И. Ф. Масанова. Т. 1. М., 1956, с. 54—93; Т. 2, с. 310; Т. 3, с. 185; Т. 4, с. 379.

[160] Пушкинский Дом, с. 19.

[161] Гладких А. И. Новое о Пушкине. Псков, 1924, с. 14—15.

[162] Поляков А. С. О смерти Пушкина, с. 69.

[163] Пушкинский Дом, с. 22.

[164] Поляков А. С. Симбирский Музеум, с. 7—8.

[165] Там же.

[166] Шагинян М. С. Лениниана. М., 1980, с. 785.

[167] Блохинцев А. Н. И жизни след оставили своей... Саратов, 1985, с. 98.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Александр Михайлович Авдонин

ПУШКИН И СИМБИРСКИЙ КРАЙ

Редактор *С. Волошин*
Художник *В. Найденко*
Художественный редактор *В. Бутенко*
Технический редактор *Л. Андронова*
Корректор *Е. Феклистова*

ИБ № 1328

Сдано в набор 19.11.86. Подписано в печать 06.05.87. НГ26207. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт 3,67. Уч.-изд. л.3,36. Тираж 5000. Цена 10 коп. Заказ № 12086.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15. Типография издательства «Коммунист», Саратов, ул. Волжская, 28.

10 к.

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛЬЯНОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987